

СОДЕРЖАНИЕ

Д.В. Ефременко. «Новая наука о политике», чикагская версия. Вступительная статья	5
Чарльз Эдвард Мерриам (1874–1953)	53
Ч.Э. Мерриам. Современное состояние изучения политики	54
Ч.Э. Мерриам. Урбанизм.....	66
Гарольд Дуайт Лассуэлл (1902–1978)	77
Г.Д. Лассуэлл. Политика: кто достигает чего, когда и как? От переводчика (В.Г. Николаев).....	78
Предисловие	80
Часть I. Элита	82
Глава 1. Элита.....	82
Часть II. Методы	94
Глава 2. Символы.....	94
Глава 3. Насилие	106
Глава 4. Блага	118
Глава 5. Практики	132
Часть III. Результаты.....	144
Глава 6. Навыки и мастерство	144
Глава 7. Класс	158
Глава 8. Личность.....	172
Глава 9. Установка	186
Часть IV. Заключение	199
Глава 10. Заключение	199
Библиографические примечания	209
Г.Д. Лассуэлл. Гарнизонное государство	222

Гарольд Фут Госнелл (1896–1997)	237
Г.Ф. Госнелл. Политическая партия versus политическая машина.....	238
Г.Ф. Госнелл. Статистики и политические ученые	251
Г.Ф. Госнелл. Символы национальной солидарности.....	265
Леонард Дюпи Уайт (1891–1958)	275
Л.Д. Уайт. Политика и гражданская служба	276

Д.В. Ефременко¹

«НОВАЯ НАУКА О ПОЛИТИКЕ», ЧИКАГСКАЯ ВЕРСИЯ

Вступительная статья

Известный американский политолог Дэвид Истон, чья научная карьера началась в Гарварде и достигла расцвета в Чикагском университете, так сравнивал две alma mater:

«Мое впечатление об их различиях побуждало уподобить Гарвард широкому, медленному, извилистому потоку большой мощи, достигнутой не за счет силы течения, а только благодаря своей ширине и расстоянию, которое он преодолел, тогда как Чикаго казался рекой Тибр – стремительной, бурлящей, увлекающей, полной приключений и кипящей идеями. <...> Несомненно, первые пять или десять лет в Чикаго были одним из самых захватывающих интеллектуальных периодов в моей жизни. Это было просто огромное интеллектуальное наслаждение. Я познакомился с совершенно новым диапазоном не просто идей, но фундаментальных гипотез, и мог сопоставить их с теми, которыми неосознанно проникся в интеллектуальной атмосфере Гарварда. Наиболее захватывающим в Чикаго было многообразие самых различных, если не сталкивающихся друг с другом гипотез, которые постоянно подвергались рассмотрению. И огромное внимание уделялось не только содержанию этих идей, но процедурам и способам, использовавшимся для их получения, или, проще говоря, методам»².

¹ **Ефременко Дмитрий Валерьевич** – доктор политических наук, главный научный сотрудник, заместитель директора Института научной информации по общественным наукам РАН.

² Political Science in America: Oral Histories of a Discipline / Baer M.A., Jewell M.E., Sigelman L. (eds.). – Lexington : The University Press of Kentucky, 1991. – P. 200.

Истон начал работать в Чикагском университете в 1947 г., в момент смены поколений политологической школы, когда по разным причинам лидер и ключевые фигуры первого поколения покинули университет или отошли от активной работы. Истону даже «достался» кабинет Чарльза Мерриам – человека, который, собственно, и создал Чикагскую школу политических исследований.

За четверть века до прихода Истона Мерриам сформулировал принципиально новую программу¹, которая фактически была программой становления «новой науки о политике» не только в Чикагском университете, но и во всей Америке. Ее суть состояла в развороте социальных исследователей к изучению политического поведения, междисциплинарности и широкому внедрению эмпирических методов. Это была весьма амбициозная декларация целей и задач трансформации политических исследований, особенно если принять во внимание, что в 1920-е годы Соединенные Штаты были еще далеки от лидерства в этой области знания. Но, как и во многих других областях, американцы действовали уверенно, с осознанием своего мощного потенциала и готовностью преодолевать барьеры, возникавшие на пути социального познания. А в самих США, возможно, наилучшим местом для прорыва в сфере общественных наук являлся Чикаго – настоящая лаборатория американских «ревущих двадцатых», соединявшая в себе финансовое могущество и классовые конфликты, предпринимательский и технический гений, социальную критику и дух нового урбанизма.

На протяжении первых четырех десятилетий XX в. Чикагский университет, основанный в 1890 г., был центром становления и бурного роста новых научных школ в экономике, философии, филологии, социологии. Благодаря выдающемуся научному и организационному таланту Мерриам появилась и получила признание и Чикагская школа политических исследований. Сам Мерриам, его лучшие ученики и молодые коллеги – Гарольд Госнелл, Гарольд Лассуэлл, Леонард Уайт – в 1920–1930-е годы совершили настоящий прорыв в политическом познании, не только реализовав саму программу «новой науки о политике», но и постоянно расширяя тематический диапазон исследований.

Попробуем рассмотреть историю становления и развития первого поколения Чикагской школы политических исследований через призму биографии сотворивших ее людей и их идей.

¹ Мерриам Ч.Э. Современное состояние изучения политики // Полития. – 2021. – № 1 (100). – С. 183–192.

«Шеф»

Чарльз Эдвард Мерриам родился 15 ноября 1874 г. в крошечном городке Хопкинтон в штате Айова в семье почтового служащего и школьной учительницы. Отец мечтал, чтобы Чарльз стал юристом, однако, начав обучение в Школе права Университета Айовы, тот быстро разочаровался в юриспруденции и сделал выбор в пользу новой для того времени дисциплины – политической науки. В то же время он на всю жизнь сохранил интерес к естественным наукам, в чем, по всей видимости, сказалось влияние его старшего брата Джона, впоследствии – известного палеонтолога. Поступив в 1897 г. в Колумбийский университет, Чарльз Мерриам испытал сильное влияние таких профессоров, как Уильям Даннинг, Джон Берджесс, Эдвин Селигмен, Джеймс Робинсон, что позволило ему в полной мере овладеть историческим и сравнительным методом изучения политических феноменов. Но хотя на рубеже XIX и XX вв. именно Колумбийский университет занимал лидирующие позиции в области политических исследований, Мерриам, защитив в 1900 г. докторскую диссертацию, посвященную исторической эволюции идеи суверенитета¹, решил продолжить научную и преподавательскую карьеру в Чикаго. По всей видимости, решение это было продиктовано не только финансовыми соображениями (Чикагский университет пользовался щедрой поддержкой Джона Рокфеллера и ряда других крупных меценатов), но и возможностью быстрее выйти из тени колумбийских корифеев, к которым (особенно к Даннингу) Мерриам относился с искренним почтением. Известность в профессиональном сообществе Мерриаму принесла книга «История американских политических теорий»², опубликованная в 1903 г. Эта монография может рассматриваться как первое обстоятельное исследование американской политической мысли³, в котором была предпринята попытка ее периодизации и классификации. Мерриам впервые на систематической основе стал анализировать высказывания американских общественных и политических деятелей колониального

¹ Merriam C.E. History of the Theory of Sovereignty since Rousseau. – New York : Columbia University Press, 1900. – 233 p.

² Merriam C.E. A History of American Political Theories. – New York ; London : Macmillan, 1903. – 394 p.

³ Баталов Э.Я. Американская политическая мысль XX века. – Москва : Прогресс-Традиция, 2014. – С. 12.

периода, эпохи борьбы за независимость и первой половины XIX в. с точки зрения их вклада в развитие политической теории.

Успешно начав университетскую карьеру, Мерриам одновременно принимал все более активное участие в политической жизни Чикаго. Поначалу он сотрудничал с городскими властями в качестве эксперта; его вклад в разработку проблем городского планирования, коммунальных услуг, предпринимательства, землепользования, водного транспорта получил признание в крупнейшем индустриальном центре американского Среднего Запада. Вместе с тем Мерриам смог на деле познакомиться и с пороками местной политики, включая практики незаконного обогащения за счет муниципальных подрядов и прямую коррупцию. В 1909 г. он был избран в городской совет Чикаго. Работая в его составе, он инициировал учреждение комиссии по городским расходам, которую сам и возглавил. Под его руководством комиссия стала эффективным инструментом разоблачения многочисленных фактов мошенничества при закупках. Как известно, борьба с коррупцией была одной из основных установок прогрессивизма – мощного движения, охватившего в конце XIX – начале XX в. широкие слои американского общества, прежде всего средний класс, а также обе ведущие партии. Каденции республиканцев Теодора Рузвельта (1901–1909) и Уильяма Тафта (1909–1913), а также демократа Вудро Вильсона (1913–1921), обычно рассматриваются в историографии как президентства эры прогрессивизма¹. Сторонники прогрессивистского движения видели в государственных институтах орудия социальных изменений, подготовленных развитием науки, техники и промышленности. На этой волне Мерриам в 1911 г. впервые принял участие в выборах на пост мэра Чикаго, баллотировавшись от республиканцев. Выборы он проиграл, лишь немного уступив сопернику от Демократической партии (не увенчались успехом и две последующие его попытки добиться избрания на этот пост). Вскоре после выборов Мерриам поддержал инициированный Т. Рузвельтом раскол в Республиканской партии и создание Прогрессивной партии, чей выход на американскую политическую сцену едва не привел к краху двухпартийной системы. Однако в самой Прогрессивной партии Мерриам не проявлял особой активности. До вступления США в Первую мировую войну он воздерживался и от сотрудничества с федеральным правительством, отклоняя

¹ Buenker J.D., Boosham J.C., Crunden R.M. Progressivism. – Cambridge, Mass. : Schenkman, 1986. – 152 p.

предложения Тафта и Вильсона о работе в экспертных совещательных органах, создававшихся администрациями этих президентов.

Неудачи на политическом поприще не отразились на академической карьере Мерриам. В 1911 г. он фактически возглавил департамент политической науки Чикагского университета. Однако его старт в новой должности не привел к немедленным переменам. Тогдашний президент Чикагского университета Гарри Пратт Джадсон не был склонен поддерживать радикальные инициативы Мерриам. Сам Мерриам сохранял политические амбиции и неоднократно ради них надолго отвлёкся от преподавательской и исследовательской работы.

После вступления Америки в мировую войну Мерриам в звании капитана был зачислен в состав корпуса связи армии США. Оставаясь в Чикаго, он занимался вопросами подготовки военных летчиков и принимал участие в информационном и пропагандистском обеспечении военной кампании, для координации которого администрация Вудро Вильсона создала независимое агентство – Комитет общественной информации (известный также как Комитет Крила). Весной 1918 г. Мерриам принял предложение возглавить представительство Комитета в Риме, где развернул бурную деятельность. Прилагая максимум усилий, чтобы добиться поддержки боевых действий со стороны итальянского общественного мнения и основных политических сил (по некоторым данным, он даже использовал средства Фонда Рокфеллера для стимулирования провоенных выступлений Бенито Муссолини¹), Мерриам мало заботился о согласовании своих действий с американской дипломатической миссией. Итогом стал конфликт с посольством и Государственным департаментом, завершившийся отзывом Мерриам из Рима в сентябре 1918 г.

Возвращение в Чикаго сопровождалось новыми неудачами на поле практической политики. Однако известность Мерриам в качестве политика и общественного активиста начала способствовать тому, что многие его идеи (особенно после отставки Джадсона в 1923 г.) получили поддержку руководства и спонсоров Чикагского университета. Как отмечал биограф Мерриам Барри Карл, «его карьера стала примером нового прагматичного голоса академии, говорящего не только об историческом понимании политиче-

¹Costigliola F. Awkward Dominion: American Political, Economic, and Cultural Relations with Europe, 1919–1933. – Ithaca ; New York : Cornell University Press, 1984. – P. 94.

ской структуры, но и об открытии полезных методов улучшения политической деятельности»¹.

Насколько можно судить, в начале 1920-х годов Мерриам добился максимально широкой свободы рук в организации исследований и преподавании, какой не обладали деканы других факультетов. Его лидерство стало неоспоримым; коллеги и сотрудники департамента уважительно называли его «шефом». Мерриам стремился к достижению нового качества политических исследований и преподавания дисциплины, к выходу ее за рамки сугубо теоретической рефлексии и превращению в практическую науку, позволяющую повысить эффективность функционирования демократических институтов. В результате в 1920-е и 1930-е годы пальма первенства в американской политологии перешла к Чикагскому университету. Лучшие выпускники департамента политической науки составили когорту исследователей, осуществивших, по образному выражению Гэбриела Алмонда, «чикагскую революцию» в американской политологии². В их числе – Гарольд Госнелл, Гарольд Лассуэлл, Леонард Уайт. Весьма показательно, что в отношении своих учеников старшего поколения Мерриам добился отмены запрета на «академический инбридинг» – правила, согласно которому выпускники какого-либо университета, избравшие по его окончании научную и преподавательскую карьеру, должны продолжить ее в другом университете.

Сочетание Мерриамом организационных усилий и педагогической активности дало свои плоды, о которых образно писал Алмонд:

«У Мерриама были навыки, обаяние и формы пассивной агрессии, которые позволяли ему лепить профессионалов в области статистики, психоанализа и социальной психологии из неуклюжих аспирантов, набранных из детей провинциальных священников, мелких розничных торговцев и иммигрантов из Восточной Европы»³.

В результате в момент провозглашения новой программы исследований и преподавания политической науки Мерриам уже знал, на кого он сможет опереться в ближайшие годы.

¹ Karl B.D., Charles E. Merriam and the Study of Politics. – Chicago : University of Chicago Press, 1974. – P. 129.

² Алмонд Г.А. Политическая наука: история дисциплины // Политическая наука: новые направления / Гудин Р., Клингеманн Х.-Д. (ред.). – Москва : Вече, 1999. – С. 86.

³ Almond G.A. Who Lost the Chicago School of Political Science? // Perspectives on Politics. – 2004. – Vol. 2, N 1. – P. 92.

Публикация в 1921 г. статьи «Современное состояние изучения политики» стала резонансным событием и в общем социально-политическом контексте того времени, и в плане определения основных принципов и направлений будущих исследований возглавляемой Мерриамом научной школы. Программные установки этой статьи – своеобразная лебединая песня эры прогрессивизма, которую в 1921 г. уже сменила консервативная волна во внутренней и внешней политике Соединенных Штатов. Предлагая новую повестку политических исследований, Мерриам видел свою миссию в преобразовании дисциплины в соответствии с прогрессистскими идеалами, подобном тому, которое Джон Дьюи осуществил в философии и педагогике, а Торстейн Веблен – в экономической науке и социологии. Парадоксальность положения Мерриама в начале 1920-х годов, как полагает его биограф, заключалась в том, что, приближаясь к вершине своей профессиональной карьеры, он испытывал глубокую фрустрацию как политик¹. Вместе с тем лидер Чикагской школы, по его собственному признанию, ощущал сильную неудовлетворенность доминирующими методами политического анализа². Обновление методического инструментария (включая широкое заимствование методов естественных наук, особенно биологии), продуктивное взаимодействие с другими отраслями знания и общая переориентация на систематическую экспертную поддержку государственного управления должны были обеспечить превращение политологии в подлинно научную дисциплину.

Мерриам и его молодые коллеги энергично приступили к реализации этой программы, продвигаясь сразу в нескольких направлениях. В сотрудничестве с Госнеллом Мерриам дал старт широкому применению эмпирических и статистических методов исследования электорального поведения³. Опросы проводили студенты-старшекурсники. Использовалось контрольное квотирование, позволившее при анализе установок избирателей учесть их демографические характеристики. В фокусе исследования 1924 г.

¹ Karl B.D. Charles E. Merriam and the Study of Politics. – Chicago : University of Chicago Press, 1974. – P. 154.

² Merriam C.E. The Education of Charles E. Merriam // The Future of Government in the United States / White L.D. (ed.). – Chicago : University of Chicago Press, 1942. – P. 9.

³ Merriam C.E., Gosnell H.F. The American Party System: An Introduction to the Study of Political Parties in the United States. – New York : Macmillan, 1922. – vii, 530 p.

были причины отказа избирателей от участия в голосовании¹. Наряду с содержательными выводами особую ценность этой работе придавала подробная экспликация методологии и техники опросов избирателей, проведение которых стало неотъемлемой частью процесса выборов на федеральном уровне лишь со второй половины 1930-х годов. Мерриам и Госнелл опирались на данные опросов чиновников и активистов избирательных кампаний, а также сведения из материалов избирательной комиссии, касающиеся пола, возраста, продолжительности проживания и гражданства (страны происхождения) 5 тыс. избирателей. Вслед за этим было проведено 6 тыс. (!) интервью с не голосовавшими, отобранными методом случайной выборки. Интервью проводили студенты-старшекурсники. Тем самым реализовывалась установка на активное вовлечение студентов в исследовательскую практику. Данные интервью фиксировались на перфокартах Холлерита и затем обрабатывались при помощи считывающего устройства, позаимствованного из офиса городского контролера². Стоит отметить, что работа с перфокартами открывала путь к использованию в социальных науках более совершенных систем автоматизированной обработки информации.

Мерриам предопределил выбор темы диссертационного исследования и наиболее известного представителя Чикагской школы – Гарольда Лассуэлла. Диссертация была посвящена изучению методов военной и политической пропаганды, т.е. той самой деятельности, которой занимался Мерриам в ходе своей яркой, но непродолжительной миссии в Риме. Работая над «Техникой пропаганды в мировой войне»³, Лассуэлл фактически реализовал еще одну установку Мерриама – использование в целях политического анализа возможностей других дисциплин, прежде всего социальной психологии. «Техника пропаганды» с полным основанием может претендовать на первое место в рейтинге трудов, раскрывающих сущность и основные механизмы целенаправленного воздействия на сознание и эмоции массовой аудитории. В следующей

¹ Merriam C.E., Gosnell H.F. Non-Voting: Causes and Methods of Control. – Chicago : University of Chicago Press, 1924. – 287 p.

² Karl B.D. Charles E. Merriam and the Study of Politics. – Chicago : University of Chicago Press, 1974. – P. 286.

³ Лассуэлл Г.Д. Техника пропаганды в мировой войне : перевод с англ. / РАН. ИНИОН ; сост. и переводчик В.Г. Николаев ; отв. ред. Д.В. Ефременко. – Москва, 2021. – 237 с.

монографии Лассуэлла¹ рассматривалась взаимосвязь психологии и психопатологии с политическим поведением.

Мерриам нередко называют «отцом бихевиористского движения» в политической науке², хотя его собственные труды в рамках этого подхода (в первую очередь работа 1931 г. о гражданском воспитании, где он сочувственно отзывался о соответствующем опыте фашистской Италии и коммунистического СССР, одновременно критикуя политические режимы этих стран за их репрессивный характер³) теряются на фоне более глубоких и всесторонних исследований того же Лассуэлла. Новаторские эмпирические методы, к широкому применению которых призывал Мерриам, систематически использовались главным образом его учениками и последователями, тогда как сам он оставался генералистом старой формации (что, впрочем, благоприятствовало успешному развитию Чикагской школы⁴). Однако именно Мерриам дал толчок развороту американского политологического сообщества к изучению политического поведения, междисциплинарности и внедрению эмпирических методов. Помимо оригинального научного вклада и даже в большей мере, чем сам этот вклад, успеху его инициативы способствовали систематическая организационная и педагогическая работа, а также неустанная пропаганда новых подходов среди американских исследователей политики. Именно им была адресована книга «Новые аспекты политики»⁵, включавшая переработанные и дополненные версии статей и выступлений Мерриама 1920–1924 гг. и представлявшая собой своего рода проспект обновленной науки о политике и государстве. Несомненным свидетельством высокого признания программы Мерриама стало избрание его в 1924 г. президентом Американской ассоциации политической науки (APSA). Правда, в APSA у Мерриама было немало оппонентов; к их числу относился, в частности, его непосредственный пре-

¹ Lasswell H.D. *Psychopathology and Politics*. – Chicago : University of Chicago Press, 1930. – vii, 285 p.

² Karl B.D. Charles E. Merriam and the Study of Politics. – Chicago : University of Chicago Press, 1974. – P. VIII.

³ Merriam C.E. *The Making of Citizens: A Comparative Study of Methods of Civic Training*. – Chicago : University of Chicago Press, 1931. – 371 p.

⁴ Wilde J.H. de. *Saved from Oblivion: Interdependence Theory in the First Half of the 20 th Century. A Study on the Causality between War and Complex Interdependence*. – Aldershot : Dartmouth Publishing Company, 1991. – P. 145.

⁵ Merriam C.E. *New Aspects of Politics*. – Chicago : University of Chicago Press, 1925. – xvi, 253 p.

емник на посту президента Ассоциации Чарльз Бирд, придерживавшийся антисциентистских установок.

В 1923 г. по инициативе возглавляемого Мерриамом исследовательского комитета APSA был учрежден Исследовательский совет по общественным наукам (Social Science Research Council / SSRC) – базирующаяся в США независимая международная организация, ориентированная на поддержку научных проектов в различных отраслях знания об обществе и аккумулирующая в этих целях средства, предоставляемые частными благотворительными фондами. Тем самым Мерриам не только добивался признания своей программы, но и получал доступ к действенным механизмам влияния на организацию и финансирование исследований.

В середине 1920-х годов в развитие идей «Современного состояния изучения политики» и «Новых аспектов политики» Мерриам выступил с проектом создания на базе Чикагского университета новой суперструктуры, призванной обеспечить прямую связь науки, образования и государственного управления путем переориентации социальных исследований на нужды практической политики. Школа политики (так чаще всего называл эту суперструктуру сам Мерриам), объединяющая ряд факультетов и департаментов, а также исследовательские подразделения и фонды, должна была стать центром экспертной поддержки политических решений и вместе с тем школой подготовки кадров для государственной службы¹. Насколько можно судить, эта амбициозная инициатива была вполне просчитана с точки зрения перспектив фандрайзинга. Однако поддержка со стороны университетского руководства оказалась недостаточной, а с приходом в 1929 г. на пост президента Чикагского университета Роберта Хатчинса и вовсе сошла на нет.

Вместе с тем амбициозные планы Мерриама получили физическое воплощение в виде построенного в 1929 г. корпуса, в котором разместились почти все подразделения Чикагского университета социально-гуманитарной направленности. Это был первый университетский кампус в Америке, в котором философы, социологи, экономисты, политологи и антропологи работали на одной площадке. Мерриам не просто стремился к объединению представителей этих наук в одном здании – он полагал, что в конечном счете ему удастся выстроить единое здание социального знания. Дэвил Истон описывает связанный с этим показательный эпизод:

¹ Heaney M.T. The Chicago School That Never Was // Political Science and Politics. – 2007. – Vol. 40, N 4. – P. 753–758.

«Мерриам сыграл важную роль в получении финансирования для строительства. В тот день, когда был заложен краеугольный камень, Мерриам отсутствовал в городе. Вернувшись, он посмотрел на закладной камень с выгравированным на нем названием здания и вышел из себя. Источник его ярости можно увидеть и по сей день. Если вы внимательно посмотрите на закладной камень, то увидите выбитые на камне слова “общественная наука” [social science], но с правого края от этих слов вы заметите, что буква “s” стерта. На краеугольном камне, когда он был первоначально заложен, были слова “общественные науки”, концепция, которая была анафемой для Мерриама, полагавшего, что должен быть только единый свод социального знания, а не совокупность различных социальных наук. В этом междисциплинарном духе была организована программа по разработке общего курса для всех поступающих в Департамент общественных наук под названием “Область и метод общественных наук”. Стоящая за этим философия заключалась в том, что то, что объединяет социальные науки, явно не может быть их предметом. Действительно, то, что объединяет все социальные науки – если не все науки, – это используемые ими методы. По моему убеждению, этот коллективный курс был катастрофой для студентов, но бесценным опытом для участвовавших в нем преподавателей. Мы регулярно встречались на длительных сессиях, чтобы выработать программу курса. Мы вели продолжительные дебаты о предмете и методах, а также различиях между общественными науками. В этом едином курсе нас призывали отменить три столетия растущей специализации знаний. Это было слишком тяжелое бремя, чтобы взвалить на плечи дюжины очень молодых преподавателей, которые сами были свежими продуктами трехсотлетней эволюции. Хотя это было слишком тяжелым бременем, каждому из нас было приятно разделить его, потому что оно открыло нам глаза на некоторые из основных эпистемологических и онтологических проблем в социальных науках и укрепило междисциплинарную атмосферу университета в целом»¹.

Выстраивая свою «научную империю»², в 1920-х годах Мерриам остро переживал недостаток обратной связи между возглав-

¹ Political Science in America: Oral Histories of a Discipline / Baer M.A., Jewell M.E., Sigelman L. (eds.). – Lexington : The University Press of Kentucky, 1991. – P. 202.

² Wilde J.H. de. Saved from Oblivion: Interdependence Theory in the First Half of the 20th Century. A Study on the Causality between War and Complex Interdependence. – Aldershot : Dartmouth Publishing Company, 1991. – P. 145.

ляемой им школой политических исследований и федеральным правительством. Республиканские администрации «ревуших двадцатых» не испытывали сколько-нибудь выраженной потребности в опоре на экспертное знание, особенно на советы тех специалистов, которые разделяли политические и социальные установки прогрессивизма. Исключением был Герберт Гувер, вскоре после своей инаугурации в 1929 г. учредивший Президентский комитет по социальным трендам. Вице-председателем комитета стал Мерриам, а почти все участвовавшие в его работе эксперты имели тесные связи с SSRC. Главный итог этой работы – доклад «Текущие социальные тренды» объемом в 1,5 тыс. страниц – был опубликован в начале 1933 г. И хотя этот доклад (основной вклад в подготовку которого внес Уильям Огборн¹ при достаточно активном участии Мерриама) не содержал предложений относительно социальных и политических реформ, необходимых для преодоления последствий Великой депрессии, он сформировал ценную информационную базу, использованную при разработке мероприятий Нового курса.

Мерриам не входил в рузвельтовский «мозговой трест» 1933–1936 гг.², однако, будучи членом Комитета по национальным ресурсам федерального Министерства внутренних дел, он имел возможность влиять на подготовку и реализацию правительственных программ в рамках Нового курса. Будет не лишним отметить, что Гарольд Икес – министр внутренних дел в администрации Рузвельта, в 1919 г. был менеджером кампании Мерриама по выборам в мэры Чикаго.

В 1936 г. Мерриам был включен в состав Президентского комитета по административному управлению, которым руководил его близкий друг Луи Браунлоу. Опубликованный в начале 1937 г. отчет Комитета содержал резонансное заявление «Президенту нужна помощь» и предлагал комплекс мер, направленных на реорганизацию правительственных агентств в единый президентский офис³.

¹ Ефременко Д.В. Уильям Огборн и идея культурного лага. К столетию гипотезы // *Философия науки и техники*. – 2022. – Т. 27, N 2. – С. 58–71.

² Rosen E.A. Roosevelt and the Brains Trust: An Historiographical Overview // *Political Science Quarterly*. – 1972. – Vol. 87, N 4. – P. 531–57; Edwards S. Gold, the Brain Trust and Roosevelt // *History of Political Economy*. – 2017. – Vol. 49, N 1. – P. 1–30.

³ Report of the President's Committee on Administrative Management with Studies of Administrative Management in the Federal Government. – Washington : United States Government Printing Office, 1937. – v, 47 p.

Мерриам оставался сторонником проводимых Франклином Рузвельтом преобразований, даже несмотря на то, что к реализации принималась лишь малая часть его инициатив (например, в Законе о реорганизации 1939 г. были учтены только два предложения из 53-страничного отчета Комитета Браунлоу). Однако для Мерриама было важно активное участие представителей научного сообщества в разработке Нового курса, что полностью отвечало его представлениям об идеальной модели взаимоотношений власти и экспертов. Кажется, в 1930-е годы эта модель была близка к воплощению: восемь его коллег по департаменту политической науки Чикагского университета участвовали в работе 20 различных комитетов, экспертных групп и комиссий, сформированных федеральными органами власти. Для сравнения: в 2006 г. в аналогичные структуры было включено всего лишь четыре эксперта, представлявших факультеты и департаменты политологии всех (!) американских университетов¹.

В 1930-е годы Мерриам продолжал публиковать произведения, неизменно вызывавшие интерес политологического сообщества. Но в функционировании возглавляемого им департамента нарастали трудности. Отношения между Мерриамом и новым президентом Чикагского университета Хатчинсом развивались по нисходящей. Сказывались и разница в жизненном опыте и возрасте (Хатчинс возглавил университет в 30 лет), и столкновение амбиций, но главное – принципиальное различие во взглядах на миссию науки и образования. Хатчинс, сыгравший в дальнейшем выдающуюся роль в организации образования, философском осмыслении его задач и защите академических свобод, был убежденным противником сциентистских установок и ориентации процесса преподавания на решение практических задач в ущерб формированию ответственного гражданина.

О принципиальном характере расхождений между этими двумя незаурядными деятелями свидетельствуют их высказывания по поводу возможностей и перспектив эмпирически ориентированной политической науки. В предисловии к книге «Политическая власть» Мерриам писал:

«В последние годы появились огромные массы нового материала в области экономики, антропологии, истории, социологии, государственного управления, и эти факты бросают вызов тем, кто озабочен политической властью. Новые доктрины социальной среды,

¹ Heaney M.T. The Chicago School That Never Was // Political Science and Politics. – 2007. – Vol. 40, N 4. – P. 756.

социального наследия, личности, похоже, опровергают старые концепции и выводы. Новые психиатрические данные, психологические, психобиологические факты, касающиеся природы человеческой личности, тесно связаны с комплексами власти и установками»¹.

Хатчинс напрямую полемизировал с этим оптимистическим видением:

«Власть становится главным словом в политической науке; и предсказание того, что будут делать суды, заменяет справедливость как цель юриста и правоведа. Научный дух побуждает нас накапливать огромные массивы данных о преступности, бедности и безработице, политической коррупции, налогообложении и Лиге Наций в нашем стремлении к так называемому социальному контролю. Существенная часть того, что мы называем социальными науками, – это большие массивы данных, неосвоенных, несвязанных и бессмысленных»².

На фоне сложных отношений Мерриам с университетским руководством к концу 1930-х годов начал распадаться кадровый костяк Чикагской школы политических исследований. Наиболее болезненным был уход Лассуэлла и Госнелла, решивших, что Чикагский университет уже не является оптимальной площадкой для их профессионального и карьерного роста. В 1940 г. подал в отставку со своего поста и сам Мерриам. Уйдя на пенсию в 66 лет, он сохранял научную активность, много публиковался, выступал с лекциями в разных университетах, участвовал в работе благотворительных структур семейства Рокфеллеров. Мерриам умер 8 января 1953 г. после продолжительной болезни. В его архиве сохранилось несколько неоконченных рукописей научных работ, а также автобиографии.

Вклад Мерриам в развитие политической науки пользуется в настоящее время в Соединенных Штатах и других странах несомненным признанием, но при этом его труды чаще всего рассматриваются как достояние прошлого. На наш взгляд, это не совсем справедливо. По крайней мере, такие его книги, как «Новые аспекты политики» и «Политическая власть», заслуживают того, чтобы их читали и в XXI в.

Переводы, включенные в данный сборник, – лишь самый первый подход к знакомству с научным наследием основателя Чикагской

¹ Merriam C.E. Political Power: Its Composition and Incidence. – New York : McGraw-Hill, 1934. – P. 4.

² Hutchins R.M. The Higher Learning in America. – New Haven : Yale University Press, 1936. – P. 101.

политологической школы, который, конечно, не может дать достаточного представления о его творчестве. Статья «Современное состояние изучения политики», как уже было отмечено выше, имела программный характер. Ее актуальное значение можно суммировать следующим образом.

Во-первых, эта статья стимулирует к новому осмыслению критериев научности политического знания, которые сегодня, разумеется, во многом отличаются от идеала столетней давности. Дихотомия «факты vs ценности», две составляющие которой в 1930-е годы в кампусе Чикагского университета олицетворяли Мерриам и Хатчинс, неизбывна, и постоянные усилия все новых поколений исследователей проложить внутри нее верный курс направлять развитие научного знания в ту или иную сторону.

Во-вторых, спустя 100 лет после публикации статьи Мерриам вопрос о научно-информационной основе политических исследований обретает новую остроту. Да, по сравнению с теми массивами данных, к работе с которыми призывал Мерриам, использование big data для исследования электорального поведения и протестной активности, для выявления политических предпочтений и т.п. сопоставимо с квантовым скачком. Но, как и в те времена, овладение адекватными методами анализа и обработки таких данных, а также интерпретации получаемых результатов относится к числу насущных задач, стоящих перед политологами.

В-третьих, хотя междисциплинарность, казалось бы, должна считаться успешно реализованной установкой Мерриама, на деле частота призывов к междисциплинарности или к восстановлению дисциплинарных иерархий отражает определенную цикличность в развитии знания. В этом контексте вопрос о степени актуальности нового дисциплинарного синтеза важен для науковедческого анализа общественных наук и места в них политологии, в частности для понимания того, как в этих отраслях знания работают механизмы инклюзии и эксклюзии¹.

В-четвертых, по-прежнему сохраняет свою остроту проблема взаимодействия между экспертами-политологами и структурами власти на локальном, национальном и международном уровнях. Не секрет, что сообщества политологов и международников практически никогда не бывают полностью удовлетворены качеством и результативностью такого взаимодействия. Впрочем, и со стороны власти отношение к экспертам и их рекомендациям нередко оказыва-

¹ Moran J. Interdisciplinarity. – London : Routledge, 2002. – 214 p.

ется амбивалентным. Весьма симптоматично в этом плане предостережение Вудро Вильсона, чья политическая карьера, служившая своеобразным эталоном для Мерриама, начиналась в академическом сообществе: «Чего я опасюсь, так это правительства экспертов. Бог запрещает, чтобы в демократическом обществе мы отказывались от решения какой-либо задачи в пользу экспертов, ставя их выше правительства. Что мы есть, если передоверяем научную заботу о нас небольшой группе джентльменов, которые являются единственными, кто понимает суть дела? Поскольку мы не понимаем суть дела, мы не являемся свободными людьми»¹. В сущности, отношения «власть – экспертное сообщество» также уместно рассматривать как дихотомию, сегодня ничуть не менее актуальную, чем в начале XX в. При этом консолидированность экспертного сообщества на разных уровнях, наличие многочисленных и диверсифицированных каналов внутридисциплинарной коммуникации, а также успешное взаимодействие политологов с гражданским обществом (от локального до глобального) в значительной степени влияют на то, насколько власть будет готова слушать и воспринимать рекомендации политических экспертов.

Второй из публикуемых текстов Мерриама – доклад «Урбанизм», прочитанный на торжественных мероприятиях в декабре 1939 г. в честь десятилетия открытия Корпуса социально-научных исследований в Чикагском университете, – далеко не столь масштабен, но тем не менее важен для понимания постоянного интереса его автора к социально-политическим исследованиям городских сообществ. В этом тексте также явно дает о себе знать диалог двух школ Чикагского университета – политологической и социологической – относительно изучения того, что Мерриам называл «избыточной витальностью» большого города, «прорывающейся наружу под колоссальным давлением».

Хотелось бы надеяться, что в обозримом будущем на русском языке появятся и другие произведения Чарльза Мерриама.

Гарольд Госнелл, хранитель метода

Гарольд Фут Госнелл родился 24 декабря – в рождественский сочельник – 1896 г. в Локпорте (штат Нью-Йорк) в семье методистского проповедника. Детство, школьные годы и часть сту-

¹ Цит. по: Lapp R.E. The New Priesthood: The Scientific Elite and the Uses of Power. – New York : Harper and Row, 1965. – P. 1.

денческих лет он провел в Рочестере (штат Нью-Йорк), откуда, после получения степени бакалавра в местном университете, в 1918 г. был ненадолго призван в армию. По окончании военной службы Госнелл продолжил образование, поступив в Чикагский университет, в департамент политической науки, где в тот момент он оказался единственным аспирантом. Под руководством Чарльза Мерриама он подготовил и блестяще защитил диссертацию, которая в 1924 г. была опубликована¹ и произвела большой эффект в политологическом сообществе. «Антигероем» этой книги был политический босс республиканской партии в штате Нью-Йорк Томас Платт (1833–1910), дважды избиравшийся в Палату представителей и трижды – в Сенат. Уникальность феномена Платта состояла отнюдь не в его длительном пребывании в стенах Конгресса. Благодаря отлаженной до совершенства механике внутрипартийного клиентелизма, Платт, по его собственной оценке, выступил в качестве «политического крестного отца»² для целой когорты губернаторов штата, в числе которых был и будущий президент Теодор Рузвельт. Госнелл не был пионером изучения «политических машин», но его исследования (включая и более позднее, посвященное функционированию политической машинерии в Чикаго³) позволили раскрыть с максимальной полнотой суть этого феномена. Важное достоинство уже первой его книги состояло в комбинированном использовании техник опроса и сравнительного анализа, статистики и психологии⁴. Впрочем, в части обращения со статистическими данными это был, скорее, первый и не самый убедительный опыт, тогда как более зрелые исследования Госнелла выгодно отличались мастерским использованием методов статистического анализа.

Сразу после защиты диссертации (1922) Госнелл начал преподавательскую и научную карьеру в департаменте политической науки. Следуя в русле заявленной Мерриамом программы обновления дисциплины, Госнелл одновременно активно использовал

¹ Gosnell H. Boss Platt and his New York Machine; A Study of the Political Leadership of Thomas C. Platt, Theodore Roosevelt, and Others. – Chicago : The University of Chicago Press, 1924. – xxiv, 370 p.

² Platt T.C. The Autobiography of Thomas Collier Platt. – New York : B.W. Dodge & Company, 1910. – 584 p.

³ Gosnell H. Machine Politics: Chicago Model. – Chicago : University of Chicago Press, 1937. – x, 229 p.

⁴ Brooks R.C. Boss Platt and His New York Machine. By Gosnell Harold F. (Chicago: University of Chicago Press. 1924. P. xxiv, 370) // American Political Science Review. – 1924. – Vol. 18, N 3. – P. 627–629.

инновационные подходы коллег, работавших на других факультетах, в частности Л. Тёрстоуна (факторный анализ), С. Стауффера (методика опросных исследований), У. Огборна (статистический анализ социальных и политических данных), Р. Парка (изучение расовых отношений)¹. Новые подходы были реализованы в исследованиях электорального поведения американцев (первое из них подготовлено в соавторстве с Мерриамом), опубликованных в 1924 и 1927 г.² Две эти книги уместно рассматривать как дебют Чикагской политологической школы с ее бихевиоралистскими установками и ставкой на использование количественных методов.

Стоит особо остановиться на исследовании 1927 г. «Отказ от голосования», в рамках которого впервые в истории политической науки был поставлен эксперимент. Группа Госнелла опросила 6 тыс. жителей 12 районов Чикаго, собрав информацию о возрасте, материальном положении и политических предпочтениях. С учетом места жительства опрошенных Госнелл разделил выборку на экспериментальную и контрольную группы. Избирателям из экспериментальной группы было направлено большое количество разного рода уведомлений о необходимости зарегистрироваться на избирательном участке и проголосовать; члены контрольной группы таких уведомлений не получили. Затем Госнелл и его помощники собрали данные относительно электорального поведения избирателей каждой из групп на президентских выборах 1924 г. и на выборах муниципальных советников (олдерменов) 1925 г., используя записи избирательных комиссий о явке и отчеты наблюдателей. В экспериментальной группе были зафиксированы лишь незначительный рост явки на президентских выборах и существенно большая активность на выборах муниципальных советников. По оценке Госнелла, информационные материалы и призывы голосовать оказали наибольшее воздействие на наименее образованных и информированных избирателей, в частности на чернокожих, женщин иностранного происхождения и белых с низким уровнем дохода. Эти выводы для своего времени были весьма ценными, но поистине инновационным был метод исследования. Согласно Дж. Хансену, данное исследова-

¹ Hansen J.M., Harold F. Gosnell // PS: Political Science & Politics. – 1997. – Vol. 30, Issue 3. – P. 583.

² Merriam C.E., Gosnell H.F. Non-voting: Causes and Methods of Control. – Chicago : University of Chicago Press, 1924. – 287 p.; Gosnell H.F. Getting Out the Vote: An Experiment in the Stimulation of Voting. – Chicago : University of Chicago Press, 1927. – xi, 128 p.

ние даже по прошествии многих десятилетий остается «одним из самых элегантных во всей политической науке»¹.

В 1930 г. Госнелл опубликовал сравнительное кросс-национальное исследование «Почему Европа голосует»² – одно из первых в своем роде, – в котором проанализировал данные по явке избирателей на выборы в Великобритании, Франции, Германии, Бельгии и Швейцарии. Он уделял особое внимание выявлению взаимосвязи между пропорциональным представительством и активностью избирателей, аргументируя гипотезу, согласно которой именно система пропорционального представительства стимулирует явку. В то же время за скрупулезным анализом статистических данных и погружением в особенности электоральных систем каждой из стран у Госнелла стояло стремление осмыслить существенные проблемы внутренней и внешней политики государств постверсальской Европы. Этот интерес, очевидно, сыграл свою роль в том, что со второй половины 1940-х годов он вплотную занялся международной аналитикой в качестве эксперта Государственного департамента.

Вне всяких сомнений, Госнелл внес выдающийся вклад в разработку и использование количественных методов в социальных исследованиях. При этом он занимал твердую позицию в дискуссиях 1920–1940-х годов об уместности и релевантности таких методов в познании политических феноменов. Описывая суть разногласий, Дэвид Истон называл ориентированных на работу с фактическими данными последователей программы Мерриама «гиперфактуалистами», которым противостояли те, кто отстаивал решающее значение социальной и политической теории³.

В этом контексте статья Госнелла «Статистики и политологи» (1933), перевод которой публикуется в настоящем сборнике, вполне может рассматриваться как своеобразная апология количественных методов. Разумеется, Госнелл избегает того, чтобы напрямую полемизировать с критиками и – тем более – в чем-то оправдываться. Напротив, в информационно насыщенном тексте он стремится показать, что движение квантитативного анализа политических процессов набирает силу и ширится, его потенциал

¹ Hansen J.M. Harold F. Gosnell // PS: Political Science & Politics. – 1997. – Vol. 30, Issue 3. – P. 583.

² Gosnell H.F. Why Europe Votes. – Chicago : The University of Chicago Press, 1930. – xiii, 247 p.

³ Political Science in America: Oral Histories of a Discipline / Baer M.A., Jewell M.E., Sigelman L. (eds.). – Lexington : The University Press of Kentucky, 1991. – P. 201.

очень велик, а эвристическая значимость получаемых данных позволяет говорить о новых горизонтах политического познания.

В 1935 г. вышла новая книга Госнелла «Негритянские политики: подъем негритянской политики в Чикаго»¹, к которой до сих пор активно обращаются исследователи расового измерения политической жизни Соединенных Штатов. Даже в XXI в. она включается в студенческие силлабусы во многих американских университетах. В этой работе Госнелл обстоятельно рассмотрел особенности политической организации и лидерства в афроамериканском сообществе «города ветров», проследил его взаимодействие с политическими машинами двух основных партий и проанализировал опыт афроамериканцев, занятых в структурах городского управления, а также избранных в федеральные органы законодательной власти². Госнелл сумел убедительно показать, что фактор расовой солидарности является ключевым в процессе политического самоопределения афроамериканского сообщества, причем важнейшую роль в мобилизации электората играют церкви, чьими прихожанами являются главным образом чернокожие, а также негритянская пресса. Исследователь зафиксировал важные изменения в политических предпочтениях афроамериканцев, до начала 1930-х годов составлявших электоральный ресурс Республиканской партии. Однако благодаря мероприятиям Нового курса наметился явный сдвиг в политической лояльности афроамериканского сообщества в пользу демократов. Одновременно Госнелл зафиксировал и явный рост расового самосознания белых чикагцев, проявившийся на фоне растущей вовлеченности афроамериканцев в политическую жизнь города.

Исследование участия афроамериканцев в политических процессах способствовало росту популярности Госнелла в качестве преподавателя. В частности, Роберт Мартин – первый чернокожий в американском политологическом сообществе – целенаправленно стремился к подготовке докторской диссертации именно под руководством Госнелла как единственного в то время специалиста в Соединенных Штатах, в чью сферу научных интересов входила «черная политика»³. Другой выпускник департамента,

¹ Gosnell H.F. Negro Politicians: The Rise of Negro Politics in Chicago. – Chicago : University of Chicago Press, 1935. – xxv, 403 p.

² Точнее, в фокусе внимания Госнелла оказалась фигура О. де Приста – первого в истории афроамериканца, избранного в палату представителей от одного из штатов американского Севера.

³ Political Science in America: Oral Histories of a Discipline / Baer M.A., Jewell M.E., Sigelman L. (eds.). – Lexington : The University Press of Kentucky, 1991. – P. 159.

Дэвид Трумэн, впоследствии – президент Американской ассоциации политической науки, известный своим вкладом в развитие теории политического плюрализма, в письме Госнеллу (1980) вспоминал:

«Это была замечательная группа студентов, во многом учившихся друг у друга, но реальные стимулы и творческая атмосфера были созданы Вами и Вашими коллегами. <...> С тех пор не было другого подобного департамента политической науки ни в Чикаго, ни где-либо еще»¹.

Как мы отметили чуть ранее, Госнелл продолжал разрабатывать тематику политических машин и в 1930-е годы. Обновленная постановка исследовательской проблемы представлена в его статье «Политическая партия vs политическая машина» (1933; перевод публикуется в настоящем сборнике), а книга «Машинная политика: модель Чикаго» (1937) стала принципиальным продвижением в плане методологии по сравнению с «Боссом Платтом». Анализируя эффективность действия политических машин демократической партии в Чикаго, Госнелл стремился выявить их влияние на различные группы избирателей с теми или иными характеристиками (пол, образование, материальный статус, занятость). Для решения этой задачи исследователь применял методы частичной корреляции и факторного анализа, осуществляя расчеты с использованием пяти регрессоров. Уильям Огборн – несомненный лидер той эпохи в использовании статистических данных и количественных методов в социальных науках, оказавший на Госнелла значительное влияние, писал в предисловии к «Машинной политике»: «Вероятно работа доктора Госнелла станет сигналом к общему движению вперед, которое, безусловно, окажется однажды неизбежным в перспективной области политической науки»².

Огборн оказался прав. Но прогресс в использовании количественных методов в политических исследованиях нельзя связать только с индивидуальным вкладом Госнелла. Бихевиоралистский поворот – центральное направление усилий адептов Чикагской школы политической науки 1920-х – начала 1940-х годов – поставил в центр внимания исследователей политическое поведение массовых групп и тем самым актуализировал поиск измеримых показателей этого поведе-

¹ Цит. по: Bulmer M. The Chicago School of Sociology. Institutionalization, Diversity and the Rise of Sociological Research. – Chicago : University of Chicago Press, 1984. – P. 204.

² Gosnell H.F. Machine Politics: Chicago Model. – Chicago : University of Chicago Press, 1937. – P. XXIV.

ния, связанных, прежде всего, с участием в электоральных процедурах. Впоследствии подобным образом и лингвистический поворот в социальных науках дал мощный толчок развитию перспективных исследовательских методологий. И даже когда Истон в 1970 г. заявил об исчерпании программы бихевиоралистской революции¹, имея в виду усвоение политологическим сообществом ее основных принципов и одновременно преодоление установки на перестройку политической науки на основе модели естественно-научного знания, ценность сформированного при активном участии Чикагской школы методического инструментария под сомнение не ставилась. Другое дело, что этот инструментарий (*техника* в терминах Исто́на) не должен подменять сущность политического.

Насколько можно судить, наиболее значимые исследования Госнелла, опубликованные во второй половине 1930-х годов, отразили и его практическую вовлеченность в избирательные кампании на уровне города. Госнелл несколько раз выступал в качестве политического консультанта и даже фактического руководителя избирательных штабов ряда чикагских политиков, баллотировавшихся в олдермены (муниципальные советники). Его опыт политтехнолога по большей части удачным не был, но зато Госнелл во всех деталях смог познакомиться с реальной силой местных политических машин Демократической и Республиканской партий (к последней он формально принадлежал, хотя на практике очень часто действовал вразрез с партийной линией).

Однако достигнув расцвета как исследователь, Госнелл столкнулся с тем, что его достижения не находят соизмеримого признания в Чикагском университете. Гэбриел Алмонд так рассказывал об этом:

«Гарольд Госнелл был очень застенчивым и скромным человеком, которого в то время явно недооценивали. Тот факт, что он был столь погружен в количественный анализ, рассматривался как чисто техническое достижение, несравнимое с теми видами исследований, которые проводились другими членами департамента. Он был просто очень продуктивен, одна книга за другой, но на самом деле его не воспринимали всерьез. На самом деле его не считали фигурой большого творческого и фундаментального значения»².

¹ Easton D. The New Revolution in Political Science // Acta Politica. – 1970. – Vol. 5, N 2. – P. 208–221.

² Political Science in America: Oral Histories of a Discipline / Baer M.A., Jewell M.E., Sigelman L. (eds.). – Lexington : The University Press of Kentucky, 1991. – P. 125.

Госнелл так и не получил в Чикаго профессорскую должность. Казалось, что в Департаменте политической науки ему (особенно после отъезда из Чикаго Лассуэлла) все же предстояло стать преемником Мерриама. Однако конфликт между Мерриамом и президентом университета Робертом Хатчинсом, нараставший на протяжении 1930-х годов, сделал этот естественный ход событий крайне маловероятным. Хатчинс весьма неделикатно упрекал Мерриама в том, что он заполнил департамент «монументами своим преходящим капризам»¹, характеризуя таким образом эмпирические исследования Лассуэлла и Госнелла. В результате, вслед за Лассуэллом, Госнелл стал рассматривать варианты продолжения карьеры за пределами Чикагского университета. В 1941 г. он взял продолжительный отпуск, чтобы получить возможность работать в структурах федерального правительства. Сначала это было Бюро по управлению ценообразованием (Office of Price Administration). Спустя год, уже после вступления США во Вторую мировую войну, Госнелл принял решение окончательно перейти на государственную службу (с 1942 по 1946 г. – в Бюро по бюджету) и подал в отставку с преподавательской должности в Чикаго. Но даже работая в федеральных ведомствах, он продолжал публиковать значимые исследования², подготовка которых была начата еще в Чикагском университете.

В 1942 г. Госнелл опубликовал статью «Символы национальной солидарности», которая стала реакцией ученого на нападение Японии на Перл-Харбор 7 декабря 1941 г. и вступление США во Вторую мировую войну. Он рассмотрел в этой статье ключевые проблемы сплочения американского общества в условиях военного кризиса. Принимая во внимание базовые идеи символического интеракционизма, Госнелл относит к символам национальной солидарности вербальные и невербальные репрезентации, формирующие у граждан чувство лояльности к их государству. Госнелл выстраивает свой анализ вокруг провозглашенных президентом США Франклином Рузвельтом «четырех свобод» – свободы выражения мнений, свободы вероисповедования, свободы от нужды и свободы от страха. Сфокусировав внимание на «проблемных» с точки зрения национального сплочения расовых и

¹ Karl B.D. Charles E. Merriam and the Study of Politics. – Chicago : University of Chicago Press, 1974. – P. 286.

² Gosnell H.F. Grass Roots Politics. – Washington, D.C. : American Council of Public Affairs, 1942. – 195 P.; Gosnell H.F. Democracy: The Threshold of Freedom. – New York : The Ronald Press Company, 1948. – 336 P.

этнических группах – афроамериканцах, эмигрантах – выходцах из стран, с которыми США находились в состоянии войны, Госнелл показал, что значимой составляющей военного и политического успеха является способность правительства объяснить различным группам, что будут означать для них победа или поражение в войне.

В том же 1942 г. Госнелл подготовил конфиденциальный доклад для администрации Рузвельта «Третий Интернационал об изменениях в его политике». Текст доклада можно найти в архиве Госнелла (box 69, folder 11), хранящемся в библиотеке Чикагского университета¹. Для исследователей, изучающих подоплеку решения И.В. Сталина распустить Коминтерн в качестве жеста, направленного на укрепление доверия между союзниками по антигитлеровской коалиции, данный доклад может иметь немалую ценность. Еще больше внимания отношениям с СССР Госнелл стал уделять во второй половине 1940-х годов, перейдя на службу в историко-аналитическое подразделение Госдепартамента и одновременно – в особое подразделение Американского университета в Вашингтоне – исследовательский офис специальных операций, чей тематический профиль включал ведение психологической борьбы, изучение опыта партизанских войн и антиповстанческой стратегии.

В 1960 г. Госнелл оставил государственную службу, а в 1962 г. принял приглашение своего бывшего докторанта Роберта Мартина занять профессорскую должность в университете Говарда в Вашингтоне. Там он вернулся к изучению участия афроамериканцев в политической жизни США, что было чрезвычайно актуальным в условиях развертывания массового движения за гражданские права чернокожих. Свою преподавательскую деятельность Госнелл завершил в 1970 г.

Последними крупными научными трудами Госнелла стали политические биографии президентов Франклина Рузвельта² и Гарри Трумэна³, хотя между публикацией первой и второй прошло почти 30 лет. Через обе книги красной линией проходит тема работы этих лидеров с избирателями, отражающая давний исследовательский приоритет автора. Но в биографии Рузвельта, которого

¹ Guide to the Harold F. Gosnell Papers 1886–1997 // The University of Chicago Library. – URL: <https://www.lib.uchicago.edu/e/src/findingaids/view.php?eadid=ICU.SPCL.GOSNELLHF#idp152126792> (accessed: 24.03.2023).

² Gosnell H.F. *Champion Campaigner. Franklin D. Roosevelt*. – New York : The Macmillan Company, 1952. – 252 p.

³ Gosnell H.F. *Truman's Crises: A Political Biography of Harry S. Truman*. – Westport, Conn. : Greenwood Press, 1980. – 656 p.

Госнелл представляет чемпионом электоральных кампаний, эта тема абсолютно доминирует, тогда как мероприятия «Нового курса» предстают лишь фоном, хотя именно их содержательные результаты имели определяющее значение для президентских выборов 1936 г. (в значительной степени – для выборов 1940 г.), а также выборов в Конгресс 1934 и 1938 гг. Опубликованная в 1980 г. биография Трумэна, в 2,5 раза превышающая по объему книгу о Рузвельте, выглядит более сбалансированной. Глава о втором президентском сроке Трумэна содержит много ценной фактологической информации и наблюдений, отразивших, очевидно, инсайдерский опыт Госнелла в Госдепартаменте.

В 1995 г., еще при жизни Госнелла, Секция политической методологии Американской ассоциации политической науки учредила в его честь специальную премию (Harold F. Gosnell Prize of Excellence). Премия Госнелла ежегодно присуждается тем исследователям, которые на конференции APSA представили лучший доклад с точки зрения методологии. Такая оценка вклада Госнелла стала признанием его выдающихся достижений в практическом применении количественных методов анализа в политических исследованиях.

Гарольд Госнелл умер 8 января 1997 г., за две недели до смерти отметив свою столетнюю годовщину.

«Политика» и «Гарнизонное государство» Гарольда Лассуэлла

Выдающийся исследователь американской политической мысли Э.Я. Баталов в 2013 г. сетовал на то, что на русский язык до сих пор не переведены многие классические труды американских политологов, в числе которых – «Политика: кто получает что, когда и как» Гарольда Лассуэлла¹. Спустя 10 лет мы восполняем этот пробел. Наряду с новым полным переводом «Техники пропаганды в мировой войне», выдержавшим в 2021–2022 гг. два издания, и статьей «Гарнизонное государство», эта действительно знаменитая книга дает импульс современному раунду знакомства российских читателей с той частью наследия Лассуэлла, которая оказывается очень актуальной в свете политических событий начала третьего десятилетия XXI в.

¹ Баталов Э.Я. Американская политическая мысль XX века. – Москва : Прогресс-Традиция, 2014. – С. 10.

Не считая необходимым воспроизводить здесь полный очерк биографии и научного творчества Лассуэлла¹, остановимся на том, что связано с двумя публикуемыми в настоящем сборнике работами.

Лассуэлл до сих пор входит в первую десятку рейтинга наиболее цитируемых американских политологов и социологов. Он сумел придать мощный импульс развитию целого ряда исследовательских направлений. Но, возможно, более яркими штрихами к его портрету будут отзывы о воздействии Лассуэлла и его научных трудов на индивидуальный выбор многих исследователей. Например, политолог Ричард Мерельман о своих впечатлениях после прочтения в студенческие годы книги «Политика: кто получает что, когда и как» писал следующее:

«Эффект от моего первого чтения был электрическим. Благодарная краткость, язвительная отстраненность, многообещающее освобождение от претензий на выведение законов, презрение к морализаторству, проект бихевиоралистской науки о политике – все это сосредоточилось в одном кратком параграфе. Я впервые задумался о том,² что, пожалуй, есть смысл всерьез заняться изучением политики»².

У столь впечатлившей Мерельмана книги есть важная особенность – ее текст адаптирован под довольно широкую аудиторию, она одновременно рассчитана и на образованных неспециалистов, и на тех, кто профессионально занимается политической наукой. Из-за этого Гэбриел Алмонд полагал возможным рассматривать ее как учебное пособие³, которое составляет единый ансамбль с двумя другими работами, а именно – «Психопатологией и политикой» (1930)⁴ и «Мировой политикой и личной небезопасностью» (1935)⁵. Вместе эти книги, написанные в первой половине

¹ Ефременко Д.В., Богомолов И.К. Анатомия пропаганды, или «Война идей по поводу идей». Вступительная статья. // Лассуэлл Г.Д. Техника пропаганды в мировой войне : перевод с англ. / РАН. ИНИОН ; сост. и переводчик В.Г. Николаев ; отв. ред. Д.В. Ефременко. – Москва, 2021. – С. 4–43

² Merelman R.M. Harold D. Lasswell's Political World: Weak Tea for Hard Times // British Journal of Political Science. – 1981. – Vol. 11, Issue 4, October. – P. 471.

³ Almond G.A. Harold Dwight Lasswell. 1902–1978. A Biographical Memoir. – Washington, D.C. : National Academy of Sciences, 1987. – P. 259.

⁴ Lasswell H.D. Psychopathology and politics. – Chicago : The University of Chicago Press, 1930. – 367 P.; русский перевод: Лассуэлл Г.Д. Психопатология и политика : монография : пер. с англ. – Москва : Издательство РАГС, 2005. – 352 с.

⁵ Lasswell H.D. World Politics and Personal Insecurity. – New York : McGraw-Hill Book Company, Inc., 1935. – vii, 307 p.

1930-х годов, конституируют, по оценке Алмонда, наиболее значимый вклад Лассуэлла в политическую теорию¹.

В монографии «Психопатология и политика» Лассуэлл наметил основные контуры бихевиоралистского подхода, ставящего в центр исследования живого человека со всеми особенностями и противоречиями его внутреннего мира. Заявив, что «политическая наука без биографии есть форма набивания чучел»², Лассуэлл показывает, что становление *человека политического* проходит стадии кристаллизации частных мотивов индивида в период его детства и воспитания в семье, переноса частных мотивов от семейных объектов к социальным и рационализации этого переноса в категориях общественного интереса³. Лассуэлл впервые в политической науке использовал психоанализ для изучения политических феноменов, прежде всего для идентификации бессознательного на уровне личностей и ситуаций. Применительно к политическим и государственным деятелям такой подход позволяет выявить определенные типы ролей («агитатор», «администратор», «теоретик»), которые они способны воплощать в своей деятельности.

Последние главы «Психопатологии и политики» во многом формируют теоретико-методологическую основу для двух следующих книг Лассуэлла – «Мировая политика и личная небезопасность» и «Политика: кто получает что, когда и как». Говоря о соотношении исследований человека и общества, Лассуэлл указывает на градацию ориентиров:

«События, представляющие общий интерес, всегда имеют индивидуальное местоположение, и эти события могут изучаться в их отношении к последовательности событий “внутри человека” или по отношению к событиям “среди людей”. Характерное событие, которое служит ориентировочной формой для политического исследования, – это признание принадлежности к сообществу с системой высших требований и ожиданий. Это явление, когда оно достаточно широко распространено среди людей, которые проживают на данной территории в определенный временной период, обозначает государство, которое, таким образом, является многообразием событий. Исследование, которое изучает порядок собы-

¹ Almond G.A. Harold Dwight Lasswell. 1902–1978. A Biographical Memoir. – Washington, D.C. : National Academy of Sciences, 1987. – P. 259.

² Лассуэлл Г.Д. Психопатология и политика : монография : пер. с англ. – Москва : Издательство РАГС, 2005. – С. 7.

³ Там же. – С. 258.

тий “внутри человека” или “среди людей”, в равной степени подходит для понимания государства; разница – в отправной точке, но не в конечном результате»¹.

Уже в первой главе «Мировой политики и личной небезопасности» Лассуэлл уточняет и развивает подход, который он называет конфигуративным анализом. Конфигуративный анализ предполагает рассмотрение политического процесса как конфликта по поводу определения и распределения доминирующих социальных ценностей – дохода, уважения и безопасности, – разворачивающегося внутри элит и между ними. Из этого выводится максима: «Кто, что, когда и как получает – таков коренной вопрос при анализе политических действий и политического процесса»². В этом ракурсе политическое исследование должно фокусировать внимание на социальном происхождении, навыках, личных качествах, установках, ценностях и активах представителей мировых элит и их трансформациях с течением времени, сочетать в себе оптимальный баланс динамики и статики.

Достаточно сложная теоретико-методологическая схема и не вполне ясная экспликация отдельных ее составляющих вызывали недопонимание даже у тех, кто осознал масштаб и инновационный характер этого труда Лассуэлла³. Что же говорить о радикальных оппонентах, не преминувших вволю поиронизировать над громоздкими смысловыми и стилистическими конструкциями лассуэлловского текста. Вот характерный образчик язвительной рецензии:

«...Д-р Лассуэлл прыгает по космосу социологическо-психобиологическо-акушерско-психиатрической политической науки с непринужденностью стайки воробьев на лошадиных бегах. Может показаться, что заголовок включает в себя все что угодно, от начала до конца, но книга на самом деле таковой и является, сопровождаемая грохочущими залпами частично связанных сносок... Что привносит эта книга, так это авторскую модернистско-кубистскую запутанность диалектической метафизики. Трудно понять, как наши университеты могут помочь нашей работающей, неуклюжей демократии, рассказывая людям то, что они знают, на языке, кото-

¹ Лассуэлл Г.Д. Психопатология и политика : монография : пер. с англ. – Москва : Издательство РАГС, 2005. – С. 262.

² Lasswell H.D. World Politics and Personal Insecurity. – New York : McGraw-Hill Book Company, Inc., 1935. – P. 3.

³ Almond G.A. Harold Dwight Lasswell. 1902–1978. A Biographical Memoir. – Washington, D.C. : National Academy of Sciences, 1987. – P. 258.

рого они не понимают, отягощенном избыточной универсальностью случайных аллюзий»¹.

Очевидно, Лассуэлл осознавал, что для успешного продвижения выдвинутых им идей понадобится еще одна книга, с более стройной (пусть и несколько упрощенной) аргументацией и формулировками, адаптированными для понимания более широкой читательской аудиторией. В результате свет увидела работа, титул которой составила отчеканенная в предыдущей монографии формула исследования политических действий и политического процесса.

Основное внимание автора «Политики» сосредоточено на группах элит и их борьбе за ключевые ресурсы, или, говоря словами Лассуэлла, на «изучении влияния и влиятельных»². Участники этих конкурентных отношений используют для достижения своих целей широкий набор институциональных практик, различных средств символического воздействия, материальных стимулов и санкций вплоть до открытого применения насилия. В этой оптике элитой выступает та часть общества, которая получает большую часть существующих благ. Остальное – масса. Согласно Лассуэллу, успех в конкурентной борьбе за блага и за право быть включенным в состав элиты, определяют следующие факторы:

- 1) способности;
- 2) классовая принадлежность;
- 3) индивидуальные качества;
- 4) установки (различные типы реакций на вызовы социального окружения).

Данный подход, в отличие от марксистских представлений о классовой борьбе, принимает во внимание и значимые личностные характеристики, оказывающие влияние на успех тех или иных акторов с точки зрения интеграции в состав элиты, внутри- и межэлитной борьбы. Вместе с тем, как отмечал еще Дэвид Истон, подход Лассуэлла, сфокусированный преимущественно на олигархической перспективе борьбы за власть и влияние, а также на психоаналитическом объяснении действий индивидуальных акторов, ведет к недооценке роли массовых групп³.

¹ Whittlesey W.L. Review of H.D. Lasswell "World Politics and Personal Insecurity" // American Political Science Review. – 1935. – Vol. 29. – P. 500–501.

² Lasswell H.D. Politics: Who Gets What, When, How. – New York : McGraw-Hill Book Co, 1936. – P. 13.

³ Easton D. The Political System. An Inquiry into the State of Political Science. – New York : Alfred A. Knopf, Inc., 1953. – P. 121.

Истон также делит научное творчество Лассуэлла на два этапа с точки зрения отношения к демократии¹. Датируя первый этап 1934–1940 гг. (на него, соответственно, приходится публикация «Политики»), Истон характеризует его содержание как «элитистскую аморальную фазу». В этот период Лассуэлл строго придерживается веберовской традиции свободного от ценностей социального исследования, не позволяющего отдавать предпочтение демократии или иной форме правления в силу морального выбора. Второй период, согласно Истону, начинается в годы Второй мировой войны, он детерминируется нравственным выбором и социальным запросом, в соответствии с которым политические науки должны предоставить свои данные, методы и практические рекомендации для сохранения демократического общества.

Это деление едва ли назовешь бесспорным, особенно если рассматривать вклад не только Лассуэлла, но и всей Чикагской школы (прежде всего, ее основателя – Чарльза Мерриам) в изучение и интерпретацию проблем демократии². Но даже если принять классификацию Истона, исследование, подходы и выводы которого изначально не предопределены ценностными предпочтениями, может быть даже более ценным для развития политологического воображения. Пожалуй, в этом, в эвристической полезности для профессионалов и дидактической значимости для тех, кто еще только изучает основы политической науки, и состоит основной резон публикации перевода книги Лассуэлла.

В рамках классификации Истона самая знаменитая статья Лассуэлла – «Гарнизонное государство» – может считаться текстом, знаменующим переход от первого этапа ко второму. Переходным «Гарнизонное государство» может считаться и потому, что замысел и первоначальная подготовка статьи относятся еще к чикагскому периоду, а публикация состоялась уже в то время, когда автор приступил к работе в Вашингтоне. Сам термин «гарнизонное государство» Лассуэлл ввел в 1937 г. в статье, фактическую основу которой составили события китайско-японской войны³. Логика автора строилась на противопоставлении гарнизонного

¹ Easton D. Harold Lasswell; Policy Scientist for a Democratic Society // The Journal of Politics. – 1950. – Vol. 12, N 3. – P. 459–460.

² См.: Баталов Э.Я. Американская политическая мысль XX века. – Москва : Прогресс-Традиция, 2014. – С. 242–263.

³ Lasswell H.D. Sino-Japanese Crisis: The Garrison State Versus Civilian State // China Quarterly. – 1937. – Vol. 11. – P. 643–649.

государства и гражданского государства, причем здесь Лассуэлл использовал, прежде всего, градацию Огюста Конта, описывавшего социальную эволюцию как переход от военного государства к феодальному, а от него – к индустриальному. В трактовке Лассуэлла гарнизонное государство, в свою очередь, становится результатом трансформации индустриального государства под влиянием технологической революции.

Статья «Гарнизонное государство»¹, опубликованная в 1941 г., представляет собой своеобразный конструктивистский эксперимент, в котором сочетались анализ тенденций, в полной мере проявившихся в разгар Второй мировой войны, их экстраполяция в будущее и дополнение за счет силы воображения социального исследователя. В обсуждаемом Лассуэллом варианте будущего ключевую роль в системе государственной власти играют специалисты по насилию. В отличие от первой ступени эволюции социального организма, описанной Контом, верховенство специалистов по насилию в модели «Гарнизонного государства» обеспечивается их высокой технической компетенцией, позволяющей им контролировать все прочие социальные группы в условиях постоянной угрозы войны. Фактическая власть концентрируется в руках немногих, а значение демократических институтов и влияние гражданских руководителей систематически подрываются.

Идея гарнизонного государства имела парадоксальный эффект, сравнимый разве что с эффектом оруэлловской антиутопии «1984» для более широкой читательской аудитории. Обсуждаемые Лассуэллом перспективы деформации социальной жизни и демократии настолько значимы и тревожны, что к ним приходится возвращаться снова и снова. Но в то же время обзор положения в ключевых странах мира показывает, что хотя важные характеристики гарнизонного государства начинают проявляться все более отчетливо, при этом фактическое состояние дел нигде в полной мере описанной Лассуэллом модели не соответствует.

Если говорить о нарастании тенденции к укреплению позиций «силовой» элиты за счет перманентного страха войны, непрерывного совершенствования технологической составляющей средств массового уничтожения или подавления протеста, то в тех же США после Второй мировой войны происходили трансформации, побуждавшие вновь и вновь вспоминать о предостережениях Лассуэлла.

¹ Lasswell H.D. The Garrison State // American Journal of Sociology. – 1941. – Vol. 46, N 4. – P. 455–468.

В этом контексте «Властвующую элиту» Чарльза Миллса¹ можно рассматривать как развитие идей «Гарнизонного государства», по крайней мере в части анализа переплетения интересов военных, экономических и политических элит Америки и способности этого конгломерата навязать свою волю массовым группам. Призрак гарнизонного государства появляется и в знаменитом предупреждении президента Дуайта Эйзенхаура перед его уходом из Белого дома:

«В правительственных комитетах мы должны остерегаться концентрации неправомочного влияния, гласного или негласного, военно-промышленного комплекса. Потенциал для пагубного роста ненадлежащей власти существует, и будет существовать в будущем. Мы не должны позволить мощи этого комплекса создать угрозу нашим свободам или демократическим процессам... Сегодня отдельный изобретатель, работающий в своей мастерской, оказывается в тени команд ученых из лабораторий и с испытательных полигонов. Подобным образом и свободный университет, исторически призванный быть источником свободных идей и научных открытий, переживает революцию в сфере исследований. Отчасти благодаря огромным привлеченным средствам правительственный контракт становится виртуальным замещением интеллектуальной любознательности. На каждую старую классную доску теперь приходится сотни новых электронных компьютеров. Перспектива доминирования федеральной власти над учеными страны, распределение проектов и власть денег уже налицо – и они должны рассматриваться со всей серьезностью. Однако, отдавая наш долг уважения научным исследованиям и открытиям, мы должны быть в равной степени готовыми иметь дело с противоположной опасностью подчинения публичной политики научно-технической элите. Задачей государственного деятеля должны быть формирование, уравнивание и интеграция этих и других сил, новых и старых, в рамках принципов нашей демократической системы – и даже их использование для достижения высших целей нашего свободного общества»².

Но в то же время фантом гарнизонного государства, уже на протяжении нескольких поколений вызывающий опасения и у власть имущих (таких, например, как Эйзенхауэр), и у внеэлитных сил, и у

¹ Миллс Ч.Р. Властвующая элита : пер. с англ. – Москва : Иностранная литература, 1959. – 453 с.

² Dwight G. Eisenhower // Public Papers of the Presidents of the United States (1960–1961). – Washington, D.C. : US Government Printing Office, 1961. – P. 1038.

социальных исследователей, постоянно ускользает при попытках локализовать его на политической карте мира. Одну из таких попыток предпринял в 1978 г. Раймон Арон¹. Он констатировал общее изменение расстановки глобальных сил по сравнению с 1941 г. – исчезновение с исторической арены нацистских и фашистских режимов, переход мирового порядка к биполярности, полюсами которой, соответственно, являются США и СССР. Но при этом, по оценке Арона, военные и полицейские элиты не доминируют ни там, ни там. В США костяк политической элиты составляют специалисты по разного рода торгу (прежде всего, политическому), юристы и администраторы, а в СССР доминирующую позицию занимает партийная номенклатура. Западные общества в целом, согласно Арону, движутся в направлении, противоположном милитаризации. При этом ядерное оружие парадоксальным образом способствует тому, что обладающие им страны и военно-политические блоки, находящиеся в состоянии конфронтации, избегают тотальной мобилизации и милитаризации. С точки зрения Арона, наиболее близко к реализации модели гарнизонного государства подошли Китай периода культурной революции (впрочем, в 1978 г. под руководством Дэн Сяопина уже начался демонтаж этого наследия Мао) и Вьетнам после победы над американцами.

В современном мире, максимально приблизившемся к порогу новой мировой войны, фантом гарнизонного государства, как может показаться, вот-вот материализуется. Правда, попытки искать ему прямое соответствие на карте мира по-прежнему остаются недостаточно убедительными. Но есть по меньшей мере один аспект, заслуживающий особого внимания в рамках аналитики текущего международного кризиса. Это сближение и переплетение силовых и информационных элит в решении общей задачи – достижения военной и политической победы над противником. Метафорически можно сказать, что к концу первой четверти XXI в. ласуэлловские «Технику пропаганды» и «Гарнизонное государство» надо читать как единый текст. Основная проблема и опасность состоит здесь в том, что комбинированная элита (ее можно назвать инфомилитократией) не является внешнимдемиургом ситуации, ведущей к военному и информационно-психологическому поражению противника. Эта элита находится внутри формируемой ситуации, она зависит от дальнейшего развития событий и особенно от

¹ Aron R. Remarks on Lasswell's "The Garrison State" // *Armed Forces & Society*. – 1979. – Vol. 5, N 3. – P. 347–359.

порожденных ею страхов и ожиданий, причем свобода ее маневра ограничивается предыдущими действиями. К сожалению, в таком контексте идеи Лассуэлла остаются чрезвычайно актуальными.

Леонард Уайт: преемник без преемственности

Леонард Дюпи Уайт родился 17 января 1891 г. в Эктоне, штат Массачусетс. После получения магистерской степени во входящем в Лигу плюща Дартмутском колледже, с 1915 по 1918 г. Уайт работал инструктором в Университете Кларка, а затем снова в Дартмуте в качестве помощника профессора. Его исследовательские приоритеты были связаны с государственным управлением. Судя по всему, выбор этой области политических исследований был обусловлен теми вызовами, с которыми столкнулось государственное администрирование в США и других странах в годы Первой мировой войны¹. В 1920 г. он познакомился с Чарльзом Мерриамом, который пригласил его в свой департамент в Чикагском университете, где Уайт продолжил научную и преподавательскую деятельность начиная с 1921 г. При этом Мерриам, сам мало интересовавшийся деталями государственного управления, настоятельно рекомендовал Уайту познакомиться на практике с предметом его исследований. Следуя этому совету, Уайт активно участвовал в работе комиссий, осуществлявших гражданский контроль за деятельностью городских служб, в том числе чикагской полиции.

В 1922 г. Уайт, только что защитивший докторскую диссертацию, организовал неформальный ужин на полях ежегодной конференции Американской ассоциации политической науки, проходившей в Чикаго. Во встрече приняло участие очень небольшое количество исследователей, в чью сферу научных интересов входило государственное управление². Однако несмотря на скромные масштабы мероприятия, Уайту удалось главное – сформировать ядро будущей исследовательской сети. Она в дальнейшем достаточно быстро разрасталась, причем в немалой степени – за счет учеников Уайта.

В 1926 г. Уайт выпустил учебное пособие «Введение в исследование государственного управления», которое для своего

¹Gaus J.M. Leonard Dupee White 1891–1958 // Public Administration Review. – 1958. – Vol. 18, N 3. – P. 231.

²Gaus J.M. – Op.cit. – P. 232.

времени считалось эталонным и выдержало на протяжении 30 лет четыре издания (каждое последующее – с исправлениями и дополнениями). Рассматривая государственное управление как распоряжение «людьми и материалами для достижения целей государства», Уайт фиксировал следующие принципы разработки темы:

– государственное управление представляет собой целостный процесс, содержательно единый в своих базовых характеристиках, в связи с чем нет необходимости жестко разделять его на муниципальное управление, управление на уровне штатов и федеральное управление;

– его изучение должно начинаться с рассмотрения основ самого управления, а не его юридических аспектов (в том числе решений судебных инстанций)¹;

– государственное управление по-прежнему является искусством, но при этом необходимо стремиться к его трансформации в науку;

– управление стало и будет оставаться впредь центральной проблемой деятельности современных правительств².

Уайт не стремился в данной работе к созданию оригинальной теории государственного управления, но видел свою задачу в «выстраивании упорядоченной системы взаимосвязей», позволяющей «представить проблему» и найти продуктивные способы ее решения³. Признавая необходимость отделить политику от управления, автор констатировал, что администратор в любом случае действует в политическом окружении и испытывает на себе влияние многих политических факторов. Данные вопросы Уайт обсуждает и в статье «Политика и гражданская служба» (1933), перевод которой публикуется в этом сборнике.

Следует отметить, что знакомство со статьей требует известного погружения в американский политико-административный контекст последней трети XIX – первой трети XX в. Уайт начинает с упоминания о юбилее Акта Пендлтона, принятого конгрессом в 1883 г. Акт Пендлтона вводил принцип опоры на заслуги при назначении на административные должности. Тем самым наносился удар по одной из опор политической коррупции – клиентелизму,

¹ Тем самым Уайт выступил решительным оппонентом Вудро Вильсона, который рассматривал государственное управление как «детальное и систематическое исполнение публичного права» (Wilson W. The Study of Administration // Political Science Quarterly. – 1887. – Vol. 2, N 2. – P. 214).

² White L.D. An Introduction to the Study of Public Administration. – Macmillan, 1926. – P. vii-viii.

³ White L.D. Op.cit. – P. viii.

сопровождаяшему доминирование политических машин в системе власти¹. Уайт положительно оценивает результаты действия Акта Пендлтона, полагая, что меритократический подход позволил освободить от политического вмешательства и порочного круга покровительства целые сектора административных работников. В итоге, по крайней мере, лучшие образцы американской государственной службы стали в полной мере соответствовать мировым стандартам, а масштаб происшедших изменений автор охарактеризовал как революцию. При этом он отмечал, что по состоянию на начало 1930-х годов наиболее престижной считается федеральная служба, тогда как престиж службы в органах власти штатов и особенно городов оказывается ощутимо ниже. Последнее, по мнению Уайта, связано с тем, что меритократические принципы утверждались в разных штатах далеко не равномерно, а в крупных городах с их мощными политическими машинами все еще ведется «окопная война» с покровительством. В частности, Уайт обращал внимание на тревожные попытки отмены или ревизии в отдельных штатах законодательства о заслугах, предпринимавшиеся Демократической партией.

Рассматривая далее перспективы укрепления меритократической системы, Уайт фокусировал внимание на группах интересов, выступающих за или против принципа назначения на административные должности в соответствии с заслугами. Очевидными сторонниками этой системы являются существующие организации гражданских служащих и профессиональные группы государственных чиновников. Последние не действуют напрямую, но вполне способны формировать благоприятные условия для укрепления меритократической системы, задавая стандарты профессиональной квалификации.

В то же время позиция ведущих американских партий относительно окончательного искоренения патронажа оставалась противоречивой, поскольку это означало отказ от одного из наиболее эффективных инструментов партийного влияния. Итоговый вывод статьи, однако, не слишком оптимистичен: Уайт уверен, что ведущие партии будут стремиться сохранить систему покровительства и лояльности чиновников-назначенцев до тех пор, пока это допус-

¹ Отметим, что статья Л. Уайта была опубликована в том же выпуске «Анналов Американской академии политических и социальных наук», что и статья Г. Госнелла «Политическая партия versus политическая машина». Тема выпуска была заявлена как «Кризис демократии».

кает закон, терпят избиратели, а сами партии не найдут альтернативных инструментов политического влияния.

С начала 1930-х годов Уайт, подобно Мерриаму и другим ключевым фигурам чикагской политологической школы, активно участвовал в экспертной деятельности на федеральном уровне. Он был включен президентом Гербертом Гувером в состав Комитета по изучению социальных трендов, где отвечал за подготовку аналитических материалов по проблематике государственного управления. По оценке Уайта, американская система государственного управления, подобно всем другим административным системам, отражает собственную окружающую среду. Однако американская система, в отличие от административных систем ведущих европейских стран, не претерпела значительных изменений, хотя ее социальное окружение изменилось очень сильно¹. Тем самым Уайт обосновывал необходимость дальнейших реформ, включая более решительное избавление от наследия политического патронажа.

В 1932 г. Уайт в течение нескольких месяцев находился в Великобритании, где изучал опыт работы советов Уитли (Whitley Councils). В 1917 г. под председательством члена Палаты общин Джона Генри Уитли (в 1921–1928 гг. – спикер этой палаты) был сформирован комитет для изучения взаимоотношений между трудящимися и работодателями. В соответствии с рекомендациями комитета, под влиянием роста социальной напряженности и примера большевистской революции в России, с 1919 г. начали создаваться так называемые советы Уитли – органы социального партнерства, позволяющие поддерживать устойчивый диалог между сторонами трудовых конфликтов. Принцип работы этих советов был распространен и на другие сферы, в частности на гражданскую службу (с 1919 г.), что, разумеется, представляло для Уайта особый интерес. Он стал убежденным сторонником британского опыта, обеспечившего институционализацию механизмов переговоров, сотрудничества, арбитража и координации между правительством и гражданскими служащими. По оценке Уайта, система Уитли породила «обширную сеть соглашений», определивших условия службы почти 300 тыс. британских административных работников².

¹ White L.D. Trends in Public Administration // President's Research Committee on Social Trends. – York, PA : Maple Press Company, 1932. – P. 3.

² White L.D. Whitley Councils in the British Civil Service. – Chicago : The University of Chicago Press, 1933. – P. 334.

По возвращении в США Уайт получил весьма лестное предложение от Гарольда Икеса, министра внутренних дел в администрации Франклина Рузвельта, занять вакантную должность члена Комиссии по гражданской службе от Республиканской партии. Приняв предложение и вступив в должность в начале февраля 1935 г., Уайт должен был выработать определенную тактику в отношении действий президента и Демократической партии, касающихся закрепления меритократического подхода при назначении на административные должности. Достаточно мощные группы влияния в Демократической партии стремились к возврату к патронажной системе, сам президент явно колебался. Уайт предпочел не критиковать Рузвельта, но акцентировать те высказывания президента, в которых он заявлял о поддержке меритократического принципа. Пытаясь таким способом представить FDR в качестве своего единомышленника, Уайт развернул целую кампанию в поддержку профессиональной государственной службы. Его усилия способствовали тому, что в 1938 г. Рузвельт своим указом перевел 100 тыс. административных должностей на федеральном уровне из патронажной в меритократическую систему.

Во второй половине 1930-х годов, как мы уже отмечали выше, обстановка в Чикагском университете становилась все более неблагоприятной для возглавляемого Мерриамом научного направления. Прошли времена, когда он в наступательной манере мог предлагать руководству университета и меценатам стратегически ориентированные проекты; теперь ему все больше приходилось обороняться. К тому же неумолимо приближался срок, когда Мерриам должен был сложить с себя полномочия руководителя Департамента политической науки. После фактического выдавливания из университета Лассуэлла и Госнелла Леонард Уайт оставался практически безальтернативным преемником «шефа». В свою очередь, руководством университета Уайт мог рассматриваться в качестве наименее неприемлемого из учеников Мерриама. Тем не менее, как рассказывает Х. Притчетт, президент университета Хатчинс отказался утвердить Уайта в должности руководителя департамента. Хатчинс настоял на том, чтобы департаментом руководила «тройка», двое членов которой служили бы противовесом Уайту. На деле замысел Хатчинса не вполне удался, и фактическое руководство оставалось за Уайтом¹.

¹ Political Science in America: Oral Histories of a Discipline / Baer M.A., Jewell M.E., Sigelman L. (eds.). – Lexington : The University Press of Kentucky, 1991. – P. 110.

Однако в силу ряда объективных и субъективных причин Уайт не сумел обеспечить преемственность в отношении программных установок Мерриам. Лассуэлл и Госнелл уже прервали устойчивую связь с университетом; с началом Второй мировой войны многие сотрудники департамента надолго (в нескольких случаях – навсегда) покинули Чикаго. Лишь четыре преподавателя читали лекции и вели занятия со студентами – сам Леонард Уайт, Херманн Притчетт, Джерри Керри и Ганс Моргентау. Моргентау – «отец политического реализма» в теории международных отношений – начал работать в Чикагском университете в 1943 г. и уже никак не был связан с традицией Мерриам. В дальнейшем кадровая эклектика становилась еще более сильной, особенно если поддержку ей оказывало руководство на уровне университета.

С субъективной точки зрения Леонард Уайт как исследователь проходил эволюционный путь, постепенно уводивший его не столько даже от программы «новой науки о политике», сколько от политической науки как таковой. К Мерриаму он сохранял полный пиетет и даже подготовил в 1942 г. в его честь сборник эссе ведущих авторов Чикагской политологической школы¹. В своей собственной статье в этом сборнике он изложил взгляды на пути трансформации американской системы государственного управления в ближайшие два десятилетия, а также на перспективы формирования структурных элементов мирового правительства после неизбежной победы антигитлеровской коалиции. Но обсуждая возможное будущее, Уайт все более тяготел к исследованию прошлого.

Особый и постоянно возраставший интерес Уайта к истории увенчался созданием *Opus magnum* – четырехтомной «Административной истории» Соединенных Штатов². Он использовал широкий круг источников, в том числе неопубликованные официальные документы, дневники чиновников и государственных деятелей, при-

¹ *Essays in Honor of Charles E. Merriam: The Future of Government in the United States* / Edited by Leonard D. White. – Chicago : The University of Chicago Press, 1942. – ix, 274 p.

² White L.D. *The Federalists: A Study in Administrative History*. – New York : Macmillan, 1948. – 538 p.; White L.D. *The Jeffersonians: A Study in Administrative History, 1801–1829*. – New York : Macmillan, 1951. – 572 p.; White L.D. *The Jacksonians: A Study in Administrative History, 1829–1861*. – New York : Macmillan, 1954. – 612 p.; White L.D. *The Republican Era, 1869–1901: A Study in Administrative History*. – New York : Macmillan, 1958. – 420 p.

ватную переписку. Впечатляющий успех этого труда привел к тому, что сегодня Уайта чаще называют историком, чем политологом¹.

Стоит отметить, что первый том – «Федералисты», посвященный истории административного управления в США в период президентств Джорджа Вашингтона и Джона Адамса (1789–1801), был опубликован почти одновременно с выходом двух фундаментальных работ по проблемам административного управления. Автором одной из них был Герберт А. Саймон, представитель младшей когорты Чикагской школы политических исследований, впоследствии – лауреат Нобелевской премии по экономике (1978). Его книга «Административное поведение»², основу которой составила диссертация, защищенная в Чикагском университете в 1942 г., с полным основанием может считаться парадигмальной основой исследовательского подхода, рассматривающего государственное управление в контексте человеческого поведения (и, следовательно, как тесно связанное с социальной психологией). Подход Саймона позволяет выстраивать науку государственного управления вокруг тезиса об ограниченности человеческой рациональности, с учетом которого оптимальной является та стратегия управления, которая ведет к наиболее полному достижению поставленных целей. Однако выбор такой стратегии в любом случае будет происходить в условиях неполного и приблизительного знания об имеющихся альтернативах.

С минимальным временным лагом на прилавках американских книжных магазинов появилась еще одна фундаментальная работа о государственном управлении, ставшая базисом противоположной парадигмы. Речь идет о книге Дуайта Уолдо «Административное государство»³, также основанной на недавно защищенной диссертации (правда, не в Чикагском, а в Йельском университете). Уолдо анализирует противоречия между бюрократией и демократией, отягощенные тем, что в странах, подобных Соединенным Штатам, профессионалы государственной службы

¹ Так характеризует Уайта статья в англоязычной Википедии, впрочем, весьма краткая и малоинформативная (URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Leonard_D._White, accessed: 30.03.2023); статья в электронной Британнике представляет Уайта как историка и политолога (URL: <https://www.britannica.com/biography/Leonard-Dupee-White>, accessed: 30.03.2023).

² Simon H.A. Administrative Behavior: A Study of Decision-Making Processes in Administrative Organization. – 1st ed. – New York : Macmillan, 1947. – 258 p.

³ Waldo D. The Administrative State: a Study of the Political Theory of American Public Administration. – New York : Ronald Press Co, 1948. – VIII, 248 p.

обязаны защищать демократические принципы. По мнению Уолдо, эти противоречия разрешимы, если государственные служащие стремятся найти баланс между эффективным управлением, правовыми нормами и общественными интересами. Соответственно, государственное управление качественно отличается от бизнес-менеджмента, поскольку, помимо эффективности, должно учитывать общественное мнение и доминирующие ценности. При этом Уолдо был весьма критичен в отношении работ предшественников, включая и Леонарда Уайта с его фокусировкой на принципах государственного управления.

Ретроспективно можно сказать, что «Административная история» Уайта оказалась в тени работ и последовавших за их публикацией дебатов Саймона и Уолдо (1952)¹. Однако есть достаточно оснований для того, чтобы согласиться с мнением А. Робертса, который ставит труд Уайта в один ряд с книгами Саймона и Уолдо, причем не в силу его бесспорных достоинств как исторического исследования, но благодаря аналитическому методу изучения макродинамики административного развития². Благодаря этому методу историческая реконструкция эволюции государственного управления позволила учесть изменения политической и экономической структуры США с конца XVIII до начала XX в., трансформацию международного порядка, социокультурные факторы, развитие коммуникационных и организационных технологий. Немаловажно, что в тетралогии Уайта можно вычленить аргументацию, близкую к основным аргументам будущих теорий зависимости от пути предшествующего развития (path dependency).

Подготовка Уайтом первого тома «Административной истории» пришлось на период руководства Департаментом политической науки. Когда в 1948 г. после медицинского обследования личный врач настоятельно рекомендовал Уайту значительно сократить нагрузки, он без колебаний отказался от должности руководителя департамента в пользу продолжения работы над «Административ-

¹Waldo D. 'Development of Theory of Democratic Administration' // American Political Science Review. – 1952. – N 46, March. – P. 81–103; Simon H.R. 'Development of Theory of Democratic Administration': Replies and Comments // American Political Science Review. – 1952. – N 46, June. – P. 494–496; Waldo D. 'Development of Theory of Democratic Administration': Replies and Comments // American Political Science Review. – 1952. – N 46, March. – P. 501–503.

²Roberts A. The Path not Taken: Leonard White and the Macrodynamics of Administrative Development // Public Administration Review. – 2009, July-August. – P. 764–775.

ной историей». В результате последующие тома тетралогии объемом 2 тыс. страниц выходили с интервалом в 3–4 года.

В октябре 1956 г. Леонард Уайт вышел на пенсию, оставаясь заслуженным профессором Чикагского университета. Несмотря на онкологическое заболевание, он продолжал работать над «Административной историей». Уайт ушел из жизни 23 февраля 1958 г. в возрасте 67 лет. Спустя несколько недель вышел последний том его тетралогии, за который Уайту вместе с помогавшей ему Дж. Шнайдер была присвоена Пулитцеровская премия в области работ по истории.

Вместо заключения: а была ли школа?

Уже в начале XXI в. развернулась дискуссия о судьбе Чикагской школы и ее значении для политической науки. Дискуссию начал Гэбриел Алмонд, заявивший, что влияние школы Мерриама признается повсеместно, за исключением самого Чикагского университета, где даже в дни юбилейных торжеств превозносят достижения социологической и экономической школ, но умалчивают о заслугах политологов¹. По его мнению, такая позиция даже десятилетия спустя отражает болезненную травму, связанную с конфликтом Мерриама и Хатчинса.

Отвечая Алмонду, Кристен Монро, профессор Калифорнийского университета в г. Ирвин, предложила различать два этапа в развитии политологии в Чикагском университете². Первый этап, или Чикаго I, – это эпоха Мерриама, его ближайших учеников и соратников. Несколько сужая интенции Чикаго I, Монро характеризовала ее представителей как сторонников социологического подхода, ориентированного на проведение полевых исследований. Основная заслуга Чикаго I состоит в разработке работоспособной альтернативы доминировавшим ранее историческим и легалистским подходам в политической науке и широком внедрении эмпирических методов исследования. Монро полагала, что завершение этапа Чикаго I можно связать уже с уходом Лассуэлла из департамента политической науки.

¹ Almond G.A. Who Lost the Chicago School of Political Science? // *Perspectives on Politics*. – 2004. – Vol. 2, N 1. – P. 92.

² Monroe K.R. The Chicago School: Forgotten But Not Gone // *Perspectives on Politics*. – 2004. – Vol. 2, N 1. – P. 95–98.

Начало нового этапа, или Чикаго II, Монро относит к послевоенному времени, когда департамент стал наполняться учеными и преподавателями, не связанными с традициями Мерриама. Часть из них – так называемые младотурки (Дэвид Истон, Мортон Каплан, Леонард Биндер) – были вдохновлены атмосферой исследовательского поиска Чикаго I и в особенности бихевиоралистской программой, но стремились к радикальному переосмыслению этого аспекта наследия Мерриама. Другая часть новых сотрудников департамента во главе с Лео Штраусом выступала в качестве открытых антагонистов эмпирической направленности политических исследований, характерной для Чикаго I. Появление Штрауса в департаменте, вскоре после ухода со своего поста Леонарда Уайта в 1948 г., можно даже рассматривать как своего рода инвазивную акцию. По словам Херманна Притчетта, возглавившего департамент после Уайта, происходило это так:

«Мы не могли заменить Мерриама как теоретика¹. Но затем до нас стали доходить известия о Лео Штраусе из Новой школы в Нью-Йорке. Было решено, что он должен приехать, и мы должны с ним познакомиться. Он приехал летом 1948 года. Ганс Моргентау, исполнявший обязанности руководителя [департамента] в то лето, отвел Лео в офис Хатчинса и оставил его там. К моменту, когда он вышел оттуда, спустя полчаса, Хатчинс назначил Штрауса членом кафедры, полным профессором с зарплатой, превышающей все остальные на кафедре. Это было довольно неожиданно для нас, так как большинство членов департамента почти ничего не знали о Лео. И в самом деле, Чарльз Мерриам, который все еще занимал свой пост на кафедре в качестве почетного профессора, спрашивал: Кто такой Лео Штраус? Было очень интересно, что человек даже и не слышал о том, кто должен был занять его кафедру. Разумеется, их подходы к теории были совершенно разными. Штраус был теоретиком ценностей и аналитиком классических текстов, тогда как Мерриам был историком и больше интересовался применением теории к текущим проблемам»².

В сущности, как видно из предыдущего изложения, без Лассуэлла и Госнелла Чикаго I предстояла быстрая кадровая и содержательная эрозия, что и произошло в первой половине 1940-х го-

¹ Имеется в виду преподавание курса политической теории.

² Political Science in America: Oral Histories of a Discipline / Baer M.A., Jewell M.E., Sigelman L. (eds.). – Lexington : The University Press of Kentucky, 1991. – P. 111.

дов. Становление Чикаго II (если следовать классификации Монро) разворачивалось в позиционном противостоянии между штраусианцами (Алмонд характеризовал их как «секту»¹) и «младотурками», которое дополнительно отягощалось полемикой со сторонниками теории рационального выбора, чьей опорой был департамент экономики Чикагского университета (здесь стоит отметить и примечательный факт «миграции» Герберта Саймона, сформировавшегося в качестве исследователя еще внутри Чикаго I, к проponentам рационального выбора).

Можно сказать, что конструкт Монро позволяет описать судьбу сформированного под влиянием Чарльза Мерриама научного движения в политологии несколько менее драматично, чем это виделось Алмонду. Во всяком случае, в этой оптике между Чикаго I и Чикаго II сохраняется интеллектуальная эстафета, связанная с развитием бихевиорализма, а затем, после своеобразного финального аккорда Истона², с распространением постбихевиоралистских концепций. Монро считала возможным даже движение перестройки (*Perestroika*) в американской политологии, постулирующее методологический плюрализм, соотносить с первоначальным импульсом Мерриама, призвавшего в 1921 г. к созданию «новой науки о политике».

Впрочем, согласно мнению Майкла Небло из университета Огайо, бихевиоралистская политическая наука отнюдь «не выпрыгнула в сформировавшемся виде из головы Мерриама»³. Исключительно важным в этом плане было влияние прагматизма Джона Дьюи, а также общих интенций прогрессивизма. Скорее, Мерриам оказал сильное влияние на конкретные формы разворачивания бихевиоралистского движения в политологии, но к этому моменту аналогичные движения уже разворачивались в психологии, философии и образовании благодаря Уильяму Джеймсу, Джорджу Герберту Миду и Джону Дьюи⁴.

Наиболее решительную позицию отрицания статуса Чикаго I как «школы» занял Мортон Каплан, пионер системного анализа в исследовании международных отношений, упомянутый Кристен

¹ Almond G.A. Who Lost the Chicago School of Political Science? // Perspectives on Politics. – 2004. – Vol. 2, N 1. – P. 92.

² Easton D. The New Revolution in Political Science // Acta Politica. – 1970. – Vol. 5, N 2. – P. 208–221.

³ Neblo M. Giving Hands and Feet to Morality // Perspectives on Politics. – 2004. – Vol. 2, N 1. – P. 99–100.

⁴ Там же.

Монро в числе «младотурков» Чикаго П. Каплан, признавая выдающиеся заслуги Мерриам, Лассуэлла и Госнелла, заявлял, что в их интеллектуальной активности не было органической внутренней связи, а успехи Чикаго I в значительной степени определялись общей инновационной культурой университета¹.

В 2007 г. преподаватель политологии из университета Флориды Майкл Хини опубликовал в электронном бюллетене Американской ассоциации политической науки статью под названием «Чикагская школа, которой никогда не было»². Он обращал внимание на то, что Мерриам вовсе не стремился разработать абстрактную теорию или создать «невидимый колледж» единомышленников. Мерриам стремился к такому обновлению политического знания, которое максимально сократило бы расстояние между этим знанием и практической политикой. Неудача Мерриам в реализации этой задачи на базе Чикагского университета привела, по мнению Хини, к тому, что и сама установка на создание «новой науки о политике» для ее практического использования не смогла продержаться длительное время. Впрочем, не сумев создать Школу политики как образовательный институт, Мерриам, его ближайшие сотрудники и ученики преуспели в том, что можно назвать экспертной вовлеченностью в большую политику и государственное управление, а также в военно-политическое планирование в годы Второй мировой войны.

Но что же в конце концов получилось у Мерриам и его коллег? На наш взгляд, есть все основания одновременно говорить о новом движении в развитии политического знания, импульс которому дал Чарльз Мерриам, и о Чикагской школе политологии как о сложившейся на институциональной базе соответствующего департамента влиятельной группе исследователей, имевших общие представления о предпочтительном направлении развития их научной дисциплины, а также о ее теоретико-методологических основаниях. Политологи Чикагской школы внесли исключительно важный вклад в превращение США из периферийной зоны политического знания в его несомненного лидера.

Помимо новаторских работ Мерриам, Госнелла, Лассуэлла, Уайта и более широкого круга исследователей, воспитанных в

¹ Kaplan M.A. A Great University Makes for a Great Department // Perspectives on Politics. – 2004. – Vol. 2, N 4. – P. 803.

² Heaney M.T. The Chicago School That Never Was // Political Science and Politics. – 2007. – Vol. 40, N 4. – P. 753–758.

традициях Чикагской школы и начавших свою карьеру в 1930-е годы, большую роль играла пространственная диссеминация идей, методов и принципов чикагцев. Этому способствовали каналы научной коммуникации, в частности, в рамках Американской ассоциации политической науки, где программа Чикагской школы имела как сторонников, так и решительных противников. Не менее значимым был и фактор грантовой поддержки исследований, поскольку Мерриам обладал серьезным влиянием в разнообразных благотворительных фондах, прежде всего в структурах клана Рокфеллеров. Согласно язвительному замечанию Джаспер Шэннон, профессора политологии из университета Небраски, успешная попытка Мерриама «поженить Маммону и науку трансформировалась в научный Таммани-Холл¹. Щедрость корпоративного мира распределялась среди нуждающихся помощников профессоров, которые поднимались по академической лестнице в погоне за успехом по принципу “публикуйся или умри”. Учеников Мерриама часто вознаграждали в манере, вполне понятной мэру Дейли²»³. Не стоит также забывать и об устойчивых связях ключевых фигур Чикагской школы с официальным Вашингтоном, причем как с республиканцами, так и с демократами. Но действительно устойчивый эффект диссеминации был достигнут за счет возврата к

¹ Таммани-холл – штаб-квартира Демократической партии в г. Нью-Йорк – в середине XIX в. стала настоящим символом политической коррупции. Поистине легендарным было влияние на политическую жизнь Нью-Йорка партийного босса демократов Уильяма Твида (1823–1878), вокруг которого сформировалась мощная система клиентелизма, взяточничества и даже организованной преступности – «шайка Твида». Добившись в годы Гражданской войны практически неограниченного контроля над Таммани-холлом, Твид за счет манипуляций с подрядями, многократного завышения сметной стоимости объектов строительства, финансируемых городом и штатом Нью-Йорк, прямого казнокрадства, сколотил огромное состояние, а общий объем аккумулированных «шайкой Твида» средств превышал размер внешнего долга США к исходу Гражданской войны. В результате разоблачения со стороны одного из немногих неконтролируемых им изданий Твид был арестован в 1873 г., но бежал из-под ареста и сумел добраться до Испании. Однако испанское правительство выдало беглеца американским властям. Вплоть до своей смерти от пневмонии он содержался в нью-йоркской тюрьме Ладлоу, на подрядях на строительство которой он ранее неплохо нажился.

² Ричард Дж. Дейли (1902–1978) – мэр Чикаго с 1955 г. до момента смерти, один из самых влиятельных и противоречивых американских политиков 1950–1970-х годов. Его называли «последним из боссов большого города».

³ Shannon J. ‘Charles E. Merriam and the Study of Politics’. By Barry D. Karl. Book Review // The Journal of Politics. – 1976. – Vol. 38, N 1. – P. 189.

правилу недопущения «академического инбридинга». В «эпоху Мерриама» в департаменте политической науки было проведено 80 защит докторских диссертаций (в предшествующие 30 лет – только 13)¹, после которых молодые ученые разъезжались по всей стране в качестве преподавателей и исследователей. Стандартное начало карьеры многих выдающихся американских политологов было таким: подготовка диссертации под руководством одного из мэтров Чикагской школы, непродолжительный период работы в департаменте (обычно в качестве ассистента), публикация в издательстве Чикагского университета первой монографии (чаще всего – доработанного текста докторской диссертации) и переезд в один из других престижных университетов с занятием должности, обещающей успешный карьерный рост. На новом месте начинающий ученый реализовывал те подходы и установки, которые были нормой в Чикаго. И даже когда этот исследователь далеко уходил от тематики, с которой он работал в «городе ветров», он все равно вольно или невольно вносил вклад в «узнаваемость» Чикагской школы. Достаточно отметить, что в период с 1954 по 1974 г. шесть из 20 ежегодно избираемых президентов Американской ассоциации политической науки были выпускниками Чикагской школы². В результате в момент упадка Чикаго I ключевые идеи, исследовательские темы и методология адептов школы были подхвачены и получили дальнейшее развитие в других университетах и исследовательских центрах.

* * *

Представленные в этом сборнике переводы текстов основателя и ведущих адептов Чикагской школы политической науки 1920–1940-х годов дают множество оснований и «зацепок» для дальнейших исследований, теоретической и методологической рефлексии. И один из «вечных вопросов» – это научный характер политического знания. Лассуэлл уже на склоне лет писал, что вклад Мерриама в науку «может быть классифицирован как научный только в самом эластичном смысле этого слова. Мерриам не питал на этот счет никаких иллюзий. Он также не верил, что мето-

¹ Almond G.A. Who Lost the Chicago School of Political Science? // *Perspectives on Politics*. – 2004. – Vol. 2, N. 1. – P. 91.

² Almond G.A. *Op. cit.*

ды поиска или решения проблем, доступные профессиональному исследователю того, что обычно именуют “правительством”, “правом” и “политикой”, являются научными¹. Проблема, впрочем, значительно шире и не сводится к оценке научной релевантности вклада Мерриама. Он и вслед за ним другие ведущие деятели Чикагской школы предлагали вполне прагматическое решение, позволяющее обосновать политическую науку в качестве автономной сферы знания, «поскольку и политика представляет собой нечто особое – автономную область совместной жизни людей, которая, с одной стороны, обладает собственной природой, а с другой – испытывает влияния психологических, социальных, экономических и прочих факторов»². За скобками в данном случае остается вопрос об изменяющейся природе политической жизни. Как представляется, заново оценить аналитический потенциал и объяснительные возможности наследия классиков Чикагской политологической школы сможет современный читатель, исходя из актуальных представлений о политике и политическом.

И в заключение – слова благодарности человеку, чей кропотливый труд переводчика сделал возможным появление этой книги. Усилиями Владимира Геннадьевича Николаева российский читатель получил возможность прочитать на родном языке сотни страниц работ классиков чикагской социологической школы. Теперь благодаря ему то же происходит и с трудами чикагских политологов. О том, насколько это сложная, требующая глубокого погружения в текст и историческую эпоху работа, свидетельствует и его предисловие «От переводчика», предваряющее лассуэлловскую «Политику». Хотелось бы пожелать Владимиру Геннадьевичу новых творческих достижений и успехов как исследователю и переводчику трудов, оставивших заметный след в истории социального знания.

¹ Lasswell H.D. Charles E. Merriam and the Study of Politics by Barry D. Karl. Book Review // Political Science Quarterly. – 1975. – Vol. 90, N 2. – P. 333.

² Филиппов А.Ф. О политической науке и политической философии // Политика. – 2021. – Т. 100, № 1. – С. 205.

**ЧАРЛЬЗ ЭДВАРД МЕРРИАМ
(1874–1953)**

Ч.Э. Мерриам

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ИЗУЧЕНИЯ ПОЛИТИКИ¹

Первоначальный план этой статьи включал общий обзор и критику ведущих тенденций в изучении политики за последние тридцать-сорок лет. Предполагалось сравнить методы и результаты разных типов политической мысли: рассмотреть в обзоре поочередно историческую школу, юридическую школу, исследователей в области сравнительного изучения форм правления, собственно философов, подход экономиста, вклады, внесенные географом и этнологом, работу статистиков и, наконец, обратиться к психологическим, социологическим и биологическим толкованиям политического процесса.

Это было бы интересное и, наверное, полезное дело – сравнить предмет и метод таких мыслителей, как Еллинек, Гирке, Дюги, Дайси и Паунд, философии Сореля и Дьюи, Ритчи и Расселла, Ницше и Толстого, окинуть взглядом методы Дюркгейма и Зиммеля, Уорда, Гиддингса и Смолла, Кули и Росса и обсудить новшества, находимые в работах Уолласа и Коула.

Возможно, было бы полезно расширить анализ, включив в него важные особенности среды, в которой расцвели эти идеи, и многочисленные тесные связи и переклички между ними. Можно было бы также обсудить влияние социального и промышленного развития, классовых движений и классовой борьбы или, в более широком смысле, групповых конфликтов, рассмотреть влияние урбанизма и индустриализма, капитализма, социализма и синдикализма, милитаризма, пацифизма, феминизма, национализма.

¹ Источник: Merriam C.E. The present state of the study of politics // The American political science review. – 1921. – Vol. 15. – N 2. – P. 173–185. Перевод данной статьи был впервые опубликован под ред. Л.А. Галкиной в журнале: Политика. – 2021. – № 1 (100). – С. 183–192. Здесь он публикуется в новой редакции.

Возможно, было бы полезно добавить сюда еще критику описанных методов и результатов и конкретно оценить значимость логических, психологических, социологических, правовых, философских и исторических методологий и их вклады в изучение политического.

Эта задача, однако, была отброшена и оставлена для следующего раза, поскольку стало очевидно, что никакой подобный обзор не удалось бы сжать до разумных объемов. Мне подумалось, что для нашей общей цели лучше бы подошел другой тип анализа, нацеленный на реконструкцию методов политического исследования и получение более масштабных результатов как в теоретической, так и в практической области.

Сравнительно недавно теория политики вошла в соприкосновение с силами, которые со временем должны весьма ощутимо модифицировать ее процедуру. Сложившаяся не так давно доктрина, считающая политические идеи и системы – наряду с другими социальными идеями и системами – побочными продуктами среды, независимо от того, утверждается ли она в виде экономического детерминизма или определяющего влияния социальной среды, бросает вызов всем системам мышления. Пренебречь ею можно лишь ценой утраты наукой ее *locus standi*¹. Системы могут оправдывать себя как рупоры своего времени, но как быть с незыблемостью опорных принципов, провозглашаемых обычно в авторитарном и догматическом духе?

Мерила фактов и сил в наши дни сделались опять же гораздо тоньше и точнее, чем когда-либо в истории человечества. Процесс измерения, сравнения и стандартизации идет своим путем, подгоняемый руками тысяч терпеливых исследователей, стремящихся пробиться к истине в извилистых лабиринтах измеряемых и сопоставимых фактов. Насколько эта возросшая точность измерения и легкость сравнения стандартизированных наблюдений проникли в область политического?

Далее, на границах политики в наши дни появилось много родственных дисциплин. Статистика и психология, биология, география, этнология и социология – все развились и продолжают производить груды фактического материала, интерпретаций и озарений, корреляций и выводов, часто прямо или косвенно влияющих на понимание политического процесса. Мы вправе спросить: в какой степени политика воспользовалась исследованиями и ре-

¹ Точки опоры (лат.). – Прим. пер.

зультатами этих новых компаньонов в великом поиске понимания явлений человеческой жизни?

Некоторые предложения касательно способов и средств, позволяющих повысить качество и полезность технических и профессиональных исследований политики, стоит коротко обсудить. Есть вопрос о механизме сбора и классификации политического материала. Политика во многих отношениях отстала в гонке за современную экипировку, обеспечивающую быстрый, всеобъемлющий и систематический сбор и анализ интересующих ее фактов. Сбор некоторых ограниченных классов правовых данных был в интересах дела систематизирован, и результаты его своевременно поступают в распоряжение каждого исследователя права. Из деловых же соображений собираются ныне в больших объемах для нужд бизнесменов некоторые типы промышленных данных. Какую-то часть аналогичной работы выполняют различные правительственные бюро. Оснащенность же политической науки в основном остается прискорбно ущербной. Даже у самого оснащенного исследователя в самом оснащенном учебном заведении мы вряд ли найдем техническую экипировку, сопоставимую с той, какую мы находим у лучшего юриста в его офисе, у лучшего инженера, у эксперта крупной корпорации, у секретаря торговой палаты или в исследовательском отделе «Объединенных портных». По правде говоря, часто у него вообще нет лабораторного оборудования, и он, что в наши дни крупных организаций весьма курьезно, трудится один, голыми руками, даже обсуждая эту характерную черту нашей цивилизации. В этом отношении политические и социальные науки в общем и целом остались позади так называемых «естественных» наук – ныне часто отбрасывающих прилагательное «естественные»; те куда лучше оснащены как персоналом, так и оборудованием для своих исследований.

Если взять больший масштаб, по сравнению с индивидуальным, то мы видим отсутствие своевременно пополняемых и адекватных собраний целых классов законов, указов и правил. Процесс комплектации восхитительной коллекции, хранящейся в библиотеке штата Нью-Йорк, прервался, и этот пробел так и не заполнен. То же самое можно сказать о муниципальных постановлениях, собраниях административных предписаний и, за исключением отдельных сообщаемых случаев, судебных данных. Что касается международного масштаба, то тут ничего еще даже не начиналось. Не следует ожидать, что политические данные для научных целей будут собираться так же быстро, как отчеты об урожаях или пра-

вовые решения, но нужно ли документировать эти данные так скрупулозно и так редко, как это делается в настоящее время?

Далее, разумно полный и своевременный сбор материала, касающегося практической работы политических институтов, остается по большей части неорганизованным и осуществляется лишь урывками, причем зачастую этим занимаются пропагандистские службы, а не научные организации. Как, скажем, добывается в настоящее время материал, относящийся к работе системы пропорционального представительства или к схеме найма городских управляющих? В основном посредством случайного, спорадического и неудовлетворительного процесса наблюдения и компилирования данных, производимого неадекватно оснащенными индивидуальными работниками. Нет ни средств, ни людей для расширенных обследований многих важных областей, в отношении которых политическая наука должна высказываться с некоторой долей авторитетности.

Только организованными и постоянными усилиями множества ученых эту ущербную ситуацию можно превратить в удовлетворительную. Только при сотрудничестве разных правительственных служб, нескольких учебных заведений и, возможно, частных исследовательских фондов труженики политической науки смогут обрести под ногами твердую почву, рассчитывая на необходимые данные и помощь в решении своих специальных задач. Пока этого нет, мы еле ковыляем там, где могли бы бегать.

Нет ничего невозможного в том, чтобы политическое благоразумие было организовано эффективнее, чем сегодня. Под политическим благоразумием имеются в виду выводы из опыта и рефлексии в отношении проблем государства. Этим конституируется корпус знания, который, даже в отсутствие доказуемой технической точности, является ценнейшим активом человечества. Мы, конечно, вовсе не имеем в виду, что все это благоразумие, Боже упаси, создают профессиональные исследователи политики; однако инициатива по научному сбору и анализу указанного материала может быть справедливо названа одной из наших задач. Она определенно не подпадает ни под какую другую область. Представляется желательным, чтобы вся масса информации, анализа, предварительных и догматических выводов, которую аккумулируют профессиональные исследователи политики, стала известна полнее, чем в настоящее время. Все другие группы, профессиональные и прочие, – а в последнее поколение появилось много новых – выражают свои взгляды на все вопросы, находящиеся в ведении

государства. Отчего ж этого не делает исследователь политики, обычно куда более непредвзятый в своей точке зрения, более всесторонний в своих исследованиях и беспристрастный в своих выводах?

Каковы суждения мировых исследователей политики в таких вопросах, как пропорциональное представительство, Лига Наций (в конкретном смысле или вообще), свобода слова в условиях XX века, общественная собственность на коммунальную инфраструктуру, хотя бы навскидку? Во многих случаях советы профессиональных исследователей политики, или политического благоразумия, будут расходиться, особенно когда поднимаются классовые, расовые или националистические вопросы, но во многих других случаях они будут совпадать. Даже их расхождения во мнении будут, предположительно, основываться на по крайней мере внешне научных основаниях и помогать повороту общественного мнения к тщательно исследуемым фактам и кропотливо выстроенному рассуждению, а не к тем групповым интересам, которые неуклюже прячутся под плохо подогнанными одеяниями. Но если профессиональные исследователи политики не могут собраться и обсудить даже самые основы политического благоразумия из страха перед яростным несогласием, то не должно ли уже само это обстоятельство вызывать горькие размышления об их фундаментальных предубеждениях и навести на мысль о необходимости перестройки и реорганизации их методов? Не указывает ли это на слабое место в их процедуре и не приведет ли со временем к ее укреплению?

Желать, чтобы профессиональные исследователи политики по каждому поводу и в связи с каждым сиюминутным вопросом оглашали со всей окончательностью свои теории и выводы, определенно не следует. Однако в вопросах серьезных и долгосрочных, когда были проведены исчерпывающие исследования и здраво рассмотрены все грани проблемы, профессиональное мнение специалистов представляет определенную ценность. Более того, если ученые оснащены всеми ресурсами для исчерпывающих исследований за счет создания тематических экспертных комиссий, такие документированные изыскания и основанные на них взвешенные выводы могли бы оказаться очень полезными. Практический опыт и наблюдение не ведут к выводу, что избиратели, парламентские органы и административные службы ждут, затаив дыхание, заявлений политико-научных ассоциаций; но, с другой стороны, тот же опыт и то же наблюдение наводят на мысль, что во многих случаях они приветствовали бы тот род информации, анализа и предва-

рительных выводов политического благоразумия, который способен предложить серьезные профессиональные организации этого типа.

Чем шире основа такой профессиональной организации, тем она будет эффективнее. Организация в масштабе многих городов лучше, чем в рамках одного; в масштабе множества штатов – лучше, чем в рамках одного штата; в масштабе множества наций – лучше, чем в рамках одной нации. Ведь в более широком объединении есть возможность преодоления влияния локальных, классовых и расовых пропаганд, исторически игравших огромную роль в формировании политической теории.

Наконец, методы политики, как и социальной науки вообще, постоянно нуждаются в тщательном критическом разборе и пересмотре, дабы не попасть в категорию, не являющуюся ни научным знанием, ни практической политикой. О том, в какой степени политическая теория была в услужении у класса, расы и группы, нам восхитительно поведал профессор Даннинг. А вот что говорится об этом у автора, писавшего гораздо раньше:

«В судах нет грязных, низких тяжб, в которых
Нельзя бы было голосом приятным
Прикрыть дурную видимость. В религии –
Нет ереси, чтоб чей-то ум серьезный
Не принял, текстами не подтвердил,
Прикрыв нелепость пышным украшением»¹.

Но старые времена, похоже, уходят. Средний человек обладает теперь лакмусовой бумажкой для тех авторитарных доктрин, которые в иные эпохи ему не позволено было обсуждать или, что вероятнее, не приходило в голову обсуждать. Он начинает понимать, что в пылу расовой, религиозной или классовой борьбы политическая теория легко становится пешкой или фишкой в игре за продвижение военных, денежных или иных групповых преимуществ. Так уж получилось, что мы живем во времена, когда больше, чем когда-либо прежде, систематически используются социальные ухищрения и контроль, но это еще и времена, когда больше, чем когда-либо прежде, оспариваются власть и авторитет. В эпоху, когда политическое регулирование стало наиболее всеобъемлющим, политическое обязательство наименее прочно укоренено.

¹ У. Шекспир. Венецианский купец. Акт III. Сцена 2. Приводится в переводе Т. Щепкиной-Куперник. – *Прим. пер.*

Ценнейший материал приносят социология и социальная психология. География, этнология и биология дают нам факты и выводы, незаменимые для правильного понимания политического процесса, что делает знание этого процесса менее зависимым от авторитарной пропаганды и приближает его к области научной технологии.

Статистика повышает дальность и широту обзора наблюдателя, давая ему мириады глаз и возможность изучения ареалов, до сих пор лишь смутно описанных и картографированных. О статистике можно сказать, что она некоторым образом социализирует наблюдение. Она вводит в распоряжение исследователя значительную часть аппарата, столь же важного и полезного для него, если правильно им воспользоваться, как и телескоп, микроскоп и спектроскоп в других областях человеческих изысканий. В том, что политика в полной мере воспользовалась этим новым инструментарием, можно, однако, усомниться.

В более узком смысле, есть стандартные области, где политическая статистика почти полностью отсутствует. Яркими примерами у нас в стране служат судебная и уголовная статистика. Мало что сделано и в сфере оперативной статистики, замеряющей службы по стандартизированным основаниям. Законной функцией политического ученого является содействие развитию систем статистического учета и запрашивание дополнительной информации, которую можно добыть только таким путем. В более широком смысле, мы так и не освоили возможности статистических наблюдений и не приспособили их к росту исследований политики.

Статистика, как и логика, разумеется, может доказать все что угодно. Тем не менее постоянное обращение к статистической основе аргументации оказывает сдерживающее влияние на литературные и логические излишества и, несомненно, ведет к научной трактовке и доказуемым выводам. Практика измерения, сравнения, стандартизации материала – при всех случающихся в ней переборах – вносит в дискуссию отрезвляющий эффект. Правда, глядя вперед, мы не ищем науку о политике, равно как экономику или социологию, которая основывалась бы всецело и исключительно на статистических методах и выводах. Мы знаем, что статистика не содержит всех элементов, необходимых для поддержки научной жизни. Но разве не разумно ожидать в будущем гораздо большего применения этого откалиброванного инструмента социального наблюдения, чем в настоящем? Разве не разумно ожидать, что статистика

принесет нам более ясное знание политических и социальных структур и процессов, чем то, которым мы располагаем сегодня?

Современная психология также дает материалы и методы, необычайно ценные для политической науки, и обещает еще большее. Государственные деятели и политики всегда были стихийными психологами, и политический ученый и экономист часто пытались применить ту психологию, которую им предоставляла их эпоха. «Естественный» человек школы *Naturrecht* и классической политической экономии описывался в свете той информации, которая предлагалась тогдашней психологией. Но Торндайк и другие могут поведать нам о *genus homo*, несомненно, больше, чем дано было знать Томасу Гоббсу и Адаму Смиту. Даже психологи, если верить утверждениям некоторых из них, не всегда были в своем методе строго психологичны. Область, в которой физиолог, бихевиорист, невролог, психоаналитик, биолог и психобиолог все еще заняты разработкой метода, пока еще не добралась до конституционного порядка и правительства. Но в этих новых исследованиях, вероятно, сложатся методы, с помощью которых многие человеческие реакции, до сих пор оцениваемые лишь на глазок, можно будет наблюдать, измерять и сравнивать гораздо точнее.

Скорее всего, они помогут в разработке методов и средств, благодаря которым будут открыты новые связи, изобретены новые способы адаптации и существенно модифицированы процессы социального и политического контроля. Ими уже предлагаются методы, с помощью которых можно проводить гораздо более точное измерение человеческой личности и обеспечить гораздо более глубокое постижение социального процесса. Эта работа, вероятно, будет дополнена исследованиями групповой психологии; и где-то по ходу дела может развиваться изучение политической личности и политического процесса, а также тех аспектов и влияний политической психологии, которые давно существовали в виде имен и практических фактов, но никогда еще не облекались в систематическую форму. Похоже, мы стоим на пороге точного измерения трудноуловимых элементов человеческой природы, до сих пор ускользавших от понимания и контроля посредством научных методов. В некоторых областях, таких как образование и медицина, уже проложены тропы в глубины того, что всегда значилось на картах как Великая Неизвестность. Разумеется, психология, как и статистика, не берется установить стандарты социальной науки, но это инструмент, или метод, который может существенно помочь исследователям в этих областях.

Нет ничего невозможного в том, чтобы, вдобавок к обширному наблюдению нестандартизируемых сил и тенденций, играющих важную роль в политическом благоразумии, мы располагали еще и более основательным изучением измеримых и сравнимых политических реакций, их силы и ограничений, заключенных в них возможностей адаптации и конструктивной организации. Это усиленное исследование может помочь в решении проблем (1) предварительного политического просвещения, (2) общественного просвещения в более широком смысле слова, (3) местной политической координации и организации и (4) научной технологии. Статистическое использование психологического материала открывает перед исследователем политики широкие доселе неизведанные области и позволяет проникнуть в источники политического действия, наблюдение которых до сих пор было далеко от совершенства.

Иногда изучение политики шло в ногу с текущей наукой своей эпохи, как, например, во времена Аристотеля, но иногда вновь впадало в схоластику и легализм самого ограниченного сорта. Такие авторы, как Вольф и Томазий, Суарес и Пуфендорф, Вулси и Сиджвик, оставили нам великие памятники трудолюбия и эрудиции. Как и многие другие, они сыграли огромную роль в общем процессе рационализации своего времени, но оказались бесплодны в производстве живых теорий и принципов политического действия. В наши дни перекрестное опыление политики с так называемой наукой, или, точнее, современными методами изыскания и исследования, не может не пойти ей на пользу.

Разве не можем мы, например, изучая международное право, выйти за рамки договоров и конвенций в сферу более глубокого исследования – не только того, что обычно называют социальными и политическими силами, но и различий среды, языка и культуры, – а также начать систематическое исследование расовых и групповых лояльностей и отвращений, их генезиса, силы, способов адаптации и организации? С точки зрения инстинкта чужой – это враг. Но что может современная политическая наука сказать о природе этого инстинкта, о возможностях его привития, воспитания и реорганизации? Что мировые исследователи в области политической науки и родственных ей наук могут сказать об этой проблеме, решение которой имеет самое прямое значение для мировой организации и мира во всем мире?

Мы изучали городскую проблему в терминах «хорошего» и «плохого» управления, всевластия боссов и реформы, бесчислен-

ных механизмов и тонко продуманных ухищрений, но разве не можем мы погрузиться глубже, в самые основания города, и исследовать точнее и основательнее социальный и политический процесс, неотрывной частью которого является политическое? Действительно ли силы, производящие плохое муниципальное управление, в сущности своей непокорны и неодолимо неуправляемы, или мы просто не до конца понимаем политические реакции в данной среде, и как нам лучше всего их просветить и конструктивно адаптировать к новым образам жизни, складывающимся при формах кооперативного начинания, известного как демократия?

При изучении государственного управления разве нельзя добавить к изучению правил, законов и форм процедуры и контроля чуть более глубокое проникновение в подспудные факторы, затрагивающие и обуславливающие личный состав, организацию и действия больших групп людей? И разве не будут нам полезны при проведении таких исследований методы статистики и психологии?

Короче говоря, не можем ли мы интенсифицировать свои исследования политического человека, политической личности, ее генезиса, среды, реакций и способов адаптации и обучения, а также групп, в которых она входит, и сложно устроенного политического процесса настолько, чтобы предпосылки политической науки обрели гораздо более прочную фактическую основу, а практическое благоразумие вошло в гораздо более надежный деятельный контакт с проблемами государства?

Нам могут напомнить о странной антропологии в политической мысли Бодена и Монтескье, о причудливо сработанной «политической психологии» Блунчли, в которой 16 отобранных частей человеческого тела сопоставлялись с таким же числом органов тела политического, о полной амбиций, но бесплодной социальной физике Конта или о целом сонме организмических теорий, которые всеобъемлющим образом каталогизировал д-р Кокер, – и все это, чтобы указать на опасность выхода за пределы строго авторитетной, целенаправленной и благоразумной политики. Но ведь одновременно можно указать и на множество проницательных исследований социальной и политической организации. Можно обратить внимание на удивительные практические успехи, достигнутые криминологией и пенологией, а также на ежедневные практические применения информации и методов, почерпнутых из новейших дисциплин, в сфере социальных и промышленных отношений.

Должны ли мы заключить, что можно интерпретировать, объяснять и до известной степени контролировать так называемые естественные силы, находящиеся вне человека, но невозможно сделать то же самое с силами человеческой природы? Или мы преувеличили в научном плане «природу» и принизили в этом отношении «человека»? Есть ли какая-то фундаментальная граница между культурным, гуманитарным, ученостью, с одной стороны, и научным (в кавычках) – с другой, так что их методы должны были бы быть в корне различными? Пожалуй, что так.

Прошло около тридцати лет с тех пор, как великий натуралист Леконт заметил, что сначала приходит искусство, а потом наука; далее наука как дочь помогает своей матери. До сих пор, говорил он, «социальное искусство продвигалось вперед в слепых блужданиях, нащупывая свой путь в темноте, выявляя свои ошибки, оправляясь от своих падений». Но дальше так быть не может. Он продолжает: «Наука должна быть введена в политику только как предлагающее, советующее, модифицирующее, но все же не направляющее и не контролирующее начало». Наука «должна быть строго подчинена мудрому эмпиризму. Она должна нашептывать предложения, а не оглашать команды»¹.

Для наших целей не нужно прорисовывать будущее социальной или политической науки, да это и невозможно. Достаточно сказать, что мы можем несомненно и ощутимо повысить полноту и точность наших наблюдений политических явлений и что процессы социального и политического контроля, возможно, станут гораздо более восприимчивыми к человеческой адаптации и реорганизации, чем сегодня.

Однако здесь, как и везде, нам открывается насущная практическая потребность в лучшей организации наших профессиональных исследований. И в национальном, и в международном масштабе можно было бы куда теснее координировать разрозненные усилия зачастую обособленных наблюдателей и работников. Политические исследования нашей и других наций плохо организованы, особенно в той отрасли знания, которая занята организацией и управлением как одной из главных своих тем. В итоге, хотя имеющиеся силы невелики, возникает удвоение усилий. Остаются огромные пробелы, где не проводится никаких исследований, да и

¹ Цит. по: Brooklyn Ethical Association. Man and the State, Studies in Applied Sociology : Popular Lectures and Discussions Before the Brooklyn Ethical Association. – New York. : D. Appleton and Company, 1892. – P. 351–353.

вообще отсутствуют организованные попытки сокрушить бастионы политического невежества и предрассудков. Нам недостает всесторонних и перспективных планов, следуя которым, мы могли бы постепенно и ощутимо продвигаться по крайней мере в некоторых направлениях. Поскольку смертность в кругу исследователей политики ввиду пагубного воздействия университетского управления и университетской политики высока, то тем более резонно рачительно распоряжаться нашими ресурсами и использовать их с наибольшей эффективностью. А коль скоро с финансовым обеспечением политических исследований дело обстоит туго, так как им приходится конкурировать с другими предметами, меньше (или по видимости меньше) затрагивающими нервы социального и политического порядка, то тем больше оснований открыто огласить определенные планы и последовательно добывать средства на их осуществление при общественной или частной поддержке.

Эти предложения и вносятся в заключение.

1. Более адекватное оснащение для сбора и анализа политического материала.

2. Более адекватная организация политического благоразумия нашей профессии.

3. Более широкое применение инструментов социального наблюдения, заключенных в статистике, а также аналитической техники и результатов психологии; более внимательное отношение и более тесные связи с такими дисциплинами, как география, этнология, биология, социология и социальная психология.

4. Более адекватная организация наших специальных исследований и их координация с другими, тесно связанными с ними областями познания.

Здесь совершенно уместно могли бы потребовать перечня деталей, но эта статья – всего лишь своего рода декларация, и конкретные утверждения – следующий шаг в этом деле. Все сказанное будет совершенно пустым, если не понять это прежде всего как вынесение на передний план настоятельной необходимости организации и координации усилий как в общем методе, так и в конкретной деятельности наших профессиональных обществ.

Наука – это великое кооперативное предприятие, в котором должны сообща трудиться много умов. Всегда должен быть широкий простор для спонтанной и нерегламентированной деятельности индивида, но успех всей экспедиции зависит от некоторого общего плана организации. Менее всего в социальной науке допустима анархия, или хаос в теории политического порядка.

Ч.Э. Мерриам

УРБАНИЗМ¹

Доклад, прочитанный на торжественных мероприятиях в честь десятилетия открытия Корпуса социально-научных исследований (Чикагский университет, 1–2 декабря 1939 г.)

Урбанизм работает со срезом общества, западный урбанизм – со срезом западной цивилизации. Основываясь на физическом факторе агломерации в ограниченном ареале и социальных преимуществах коммунальной жизни, городское сообщество тут и там и из раза в раз должно справляться с усложнениями, проистекающими из гетерогенности населения, из новых профессиональных группировок, из технологических усовершенствований в инженерии, коммуникации, организации и промышленности, а также из аккомодации образов жизни, часто очень различающихся по культурному происхождению и способности к адаптации и славиванию и заключающих в себе необычайно различающиеся ценности и техники.

Многообразие городских типов и темпы городских изменений, с одной стороны, приводят в замешательство, в отличие от примитивного и более стабильного общества; с другой стороны, городское общество открывает беспрецедентные возможности для наблюдения социального и политического процесса в действии со множества разных точек зрения и для прозрений и выводов относительно социального поведения.

В рамках работы Комиссии по исследованию локального общества мы с 1923 г. предпринимали самого разного рода исследования. Я не буду использовать нынешний повод для попытки

¹ Источник: Merriam C.E. Urbanism // American journal of sociology. – 1940. – Vol. 45, N 5. – P. 720–730.

оценить их методы и результаты, а ограничусь – что, вероятно, лучше подойдет и вам – освещением некоторых особенностей этого ландшафта. Мы создали богатые собрания базовых данных, карт, переписных участков, подлежащих дальнейшему описанию. Мы организовали изучение истории Чикаго, стремясь заложить основы в разработке метода и сориентировать изыскания в области, которой долго пренебрегали. Это исследование, развернутое под умелым руководством д-ра Пирса, еще не завершено, но, по всей видимости, даст нам интересный и оригинальный подход к процессам истории в городских ареалах.

Мы затаеяли широкий круг исследований в области городской экологии, начавшихся с Золотого Берега и гетто и добравшихся через серию детальных изысканий до затейливых паттернов нравов в городской среде. В последнее время мы начали работать над применением антропологических методов в современных сообществах; этим руководили проф. Уорнер, пришедший к нам из Гарварда, и декан Редфилд. Мы провели сложные вспомогательные исследования городского населения, тенденций городского роста и характеристик города. Мы занимались важными сторонами организации и управления общественным благосостоянием и таящихся здесь проблем. Мы предприняли анализ и измерение разных граней политического поведения. Мы проанализировали организацию и процедуру в специфической форме муниципальной пропаганды. Особое внимание мы уделяли организации и взаимосвязям муниципальных функций – здравоохранения, водоснабжения, образования, правосудия, досуга и отдыха, налогообложения, отчетности – в обширном метропольном ареале Чикаго.

По разным причинам в нашем совместном предприятии по изучению сообщества локальная экономическая история, локальные тренды, процессы и техники не исследовались так же тщательно, как прочее, хотя Маршалл, Херр и Палий внесли значимую лепту в исследование финансовой истории, Миллис – в исследование труда, а Лиланд – в изучение налогообложения.

Ограниченность времени, очевидно, не позволяет мне, хотя гостеприимство хозяев этого и не запрещало, дать сколько-нибудь детальный анализ наших методов или полученных результатов, практических и специальных. Сейчас мы готовим итоговые тома с анализом и интерпретацией различных наших исследований. Там будет и регистрационный журнал, возможно, для кого-то полезный. Из него можно будет узнать, что мы выяснили и как (с нашими признаниями в грехах и слабостях, соперничающими с призна-

ниями Руссо), увидеть сферы нашего дремучего невежества, достижения наших учеников, узнать, в чем, на наш взгляд, мы разобрались и какое это может иметь общее значение.

Наше исследование местного сообщества оказалось меж тем не просто *terminus ad quem*, но и отправной точкой для дальнейших усилий. Завязалась серия связей, прежде всего с исследовательским комитетом Международной ассоциации городских менеджеров, представители которого прибыли сюда, чтобы быть ближе к центру исследований. За ними подтянулась процессия из 17 других ассоциаций руководящих работников, присоединившихся ныне к Информационному центру по вопросам государственного управления и объединенных в Службе государственного управления. Из этого выросла структура, располагающаяся ныне на Восточной 60-й улице и известная как «1313». В 1932 г. мы запустили специальную программу администрирования и исследований, и это начинание тоже увенчалось успехом, превратившись в Президентский комитет по административному управлению.

Наша Комиссия по исследованию локального сообщества вовлеклась в некоторой степени в работу комитета по урбанизму Национального совета по ресурсам, проводившего длительное и всестороннее исследование роли городов в американской экономике. При сотрудничестве множества важных групп из Гарварда, Мичигана и других мест это начинание в 1938 г. было завершено. Это было не наше исследование, но в нем не обошлось без нас – Вирта, Лепавски, Браунлоу и Мерриам.

В 1930 г. Комиссия по исследованию локального сообщества была расширена, вобрав социальную науку в самом широком смысле слова. Я не буду углубляться в эту внегородскую тему, скажу только мимоходом, что мы прозондировали широкий спектр подходов, от Платона и его предтеч до Парето и его досужих почитателей. Мы анализировали и синтезировали, собирали и разбирали, складывали, вычитали и умножали, координировали, коррелировали и высчитывали коэффициенты; ошарашенные факты были побеждены и обращены в бегство.

К счастью, мы смогли найти дом в этом здании, десятилетие которого дало нам повод собраться здесь сегодня. И вновь мы были втянуты в задачу сделать обзор новейших социальных тенденций (1929–1933). Эта работа поглотила огромную часть времени и внимания профессоров Огборна и Мерриам и потребовала вкладов от многих наших местных коллег. Это было, конечно, предприятие национального масштаба, заключавшее в себе сотрудни-

чество исследователей со всех концов страны. Мы не были им, но были внутри него. Из этого начинания возник Национальный совет по планированию ресурсов, и наши Улиссовы путешествия и возможности начались снова.

Глядя сегодня на будущее исследований урбанизма, могу сказать, что я вижу следующие типы проблем и подходов в городской сфере. Я подробнее остановлюсь на некоторых проблемах организации, обычно называемых политическими, но на самом деле доходящих до самых основ человеческой ассоциации. Ни на один из поставленных здесь вопросов нельзя ответить исходя из одних только политических данных.

Что могут сказать исследования по поводу следующего?

1. *Место концентрации и рассредоточения населения в современных обществах.* – В чем состоят технические и материальные преимущества и недостатки проживания в высококонцентрированных или более рассеянных сообществах; и какие более неуловимые ценности связаны с каждым из этих образов жизни?

Насколько и какими способами в современных условиях возможно объединить эти преимущества в новых формах ассоциации? Современные перевозки людей и благ и передача энергии, современные коммуникации, современная вентиляция воздуха, современный рост предприятий – все имеет значение.

Можно обнаружить, что «городское» и «сельское» не укладываются в паттерн, выраженный во взаимоисключающей форме «или / или». Нет нужды решать, какой образ жизни выше – городской или сельский; нужно развивать более ясное понимание скрытых здесь проблем. Нет у нас сегодня и задачи сказать, следует ли отдавать предпочтение крупным городам или бороться за города меньшего размера; скорее следует показать, как разные множества ареалов можно привести в как можно лучшие отношения, исходя из целей, которые нам желанны.

Если уровень жизненных условий и база массовой покупательной способности растут при поддержке современной технологии и современной способности к организации, то многое из того, что долгое время считалось исключительным преимуществом горожан или сельских жителей, становится все более доступно всем.

Развитие скоростного транспорта и быстрых коммуникаций разрушило обособленность и уединенность многих сельских сообществ, в то время как, с другой стороны, рост городского планирования и зонирования и развитие современной санитарии позволили в наши дни избавиться от тех городских ареалов скупенности,

которые обычно называют трущобами. Но к этому дело не сводится; преимущества как сельской, так и городской жизни теперь, в современных условиях, могут свободнее совмещать многие, переезжая из одного ареала в другой. При лучшей организации и более решительном движении в эту сторону взаимобмен сельско-городскими возможностями сегодня можно было бы значительно расширить. Для немногих избранных эти двойные выгоды – давно общее место. Для многих они только начинаются. Городские исследования могут и не показать весь путь, но по крайней мере часть пути показать могут.

2. Переориентация муниципальной организации. –

а) Одна из старейших проблем в этом узле – проблема связи между городом и штатом. Она остается нерешенной, отчасти в силу медленного развития эффективных органов управления штатов, отчасти ввиду локальных антагонизмов с сельской местностью, отчасти из-за городской инертности и дефицита морального долга.

Сегодня, когда некоторые города расползлись на территории более чем одного штата, становится все более затруднительно определить подходящий ареал для локальной автономии. Но для национального государства, особенно демократии, в высшей степени важно, чтобы была защищена и обеспечена необходимая роль местного самоуправления в вопросах, имеющих подлинно локальный характер. И это не проблема одних только Соединенных Штатов. Это общая проблема современного политического государства. Какие паттерны здесь может породить изобретение, основанное на исследовании?

б) Еще одна проблема – проблема взаимосвязи нескольких сообществ внутри городского ареала, и это тоже общая проблема современных наций. Что здесь происходит, так это отток населения, доходящий до того, что вне городских стен скапливается больше граждан, чем внутри, с последствиями, ставящими порою в тупик. Примирение различных желаемых ценностей в технических изобретениях формы и функции составляет одну из важнейших областей конструктивного исследования.

в) Связи между городом и национальным государством повсеместно дают своими требованиями, особенно при относительном ослаблении провинциальной, ведомственной или иной опосредующей организации, связывающей город с национальным государством. В свете новейших тенденций мы не можем предвидеть возрождение стародавних городов-государств, но можем резонно рассчитывать на новые типы пониманий и практик в отно-

шениях между городом и нацией. В нашей особой системе взаимоотношения между городом, округом, штатом и нацией образуют запутанный комплекс, вызывающий к мастерству изобретателей в разработке путей и средств упрощения или, по крайней мере, понимания.

э) Шире по географической протяженности, но, пожалуй, медленнее во времени развиваются средства взаимообмена городским опытом, техниками и идеалами через международную связь городов. Международный союз местных властей уже прошел какой-то путь в этом направлении, но еще далек от достижения цели. В здании «1313» мы только что приветствовали наших панамериканских коллег из городов со всей Америки.

Я часто замечал, что города, в отличие от наций, не раздражают друг друга, и часто городские проблемы можно спокойно обсуждать, в то время как национальные вопросы неизбежно вызывают у участников конференций эмоции и гнев. Города не в такой степени стремятся показывать свои флаги и свои зубы.

Международный союз местных властей собирает для обсуждения важных проблем урбанизма представителей значительной части мирового населения и мирового богатства. В Лиге наций какой-то делегат высказался однажды против официального признания Международного союза местных властей на том основании, что тот в один прекрасный день может превзойти в могуществе Лигу.

д) Один из самых значимых факторов городской жизни – взаимосвязи различных форм управления, общественных по характеру и в то же время частных по своему масштабу и методу. Я часто хотел изучить управление университетами – но не Чикагским, конечно, – так как они иллюстрируют многие из паттернов, описанных в моей книге «Новая демократия и новый деспотизм». Управление промышленностью, управление трудом, управление церквями иллюстрируют многие из ситуаций, имеющих близкие аналоги в государственном управлении и тесно переплетенных с политическими процессами и проблемами. Прошое, настоящее и будущее городского сообщества невозможно понять иначе, кроме как в свете этих причудливых взаимосвязей между конкурирующими формами социального контроля. Необходимо изучить согласие во всех этих разнообразных социальных группированиях, если мы хотим постичь факты и принципы ассоциации в городском сообществе. Текущие ограничения не позволяют мне подробнее остановиться на этих темах.

3. *Переосмысление городского планирования.* – Прежнее городское планирование было по большей части планированием физических расположений. Новое планирование будет включать, наряду с физическими размещениями, широкий спектр социальных и культурных приспособлений. Город, конечно, ограничен своими локальными полномочиями, но никто не запрещает ему взять на себя инициативу в исследованиях более широкого поля проблем, оказывающих на город жизненно важное воздействие, как, например, в случае жизненного уровня и трудовых стандартов. Сельское планирование в последние годы намного опередило городское, и сельские планировщики вплотную приблизились к окраинам городских сообществ, резонно ожидая, что на полпути их встретят горожане.

Новый тип городского планирования, в отличие от прежнего, не будет игнорировать такие области, как обеспечение устойчивого промышленного развития, муниципальное правосудие в разных его аспектах, муниципальное жилье, муниципальные трудовые и жизненные условия, здоровье граждан, полноценные образовательные возможности, ответственность за то, как разворачивается жизнь пылкой молодежи на городских улицах, и досуговые возможности в новых условиях сокращенного рабочего времени. Некогда внушавшая тревогу праздность безработных становится теперь свободным временем всего сообщества, и возможны планы, нацеленные на полноценное его использование для реализации жизненных возможностей.

Новые формы городского планирования, укорененные в реалиях современной социальной и экономической жизни, вполне осуществимы – и, более того, неизбежны. Комиссия по планированию Нью-Йорка, похоже, уже в пути. Но путь этот долгий, и для него должна быть проложена дорога пытливыми и настойчивыми исследованиями и изобретениями. Учебники по новому городскому планированию так же необходимы, как необходимо было в Чикаго раннее руководство Вакера по физическому планированию. Новое городское планирование будет для городских исследований и изобретений проверкой на прочность.

4. *Реорганизация городских интеркоммуникаций.* – Здесь я имею в виду не только реорганизацию городского физического транспорта, как бы ни была она желательна и важна, но и переориентацию коммуникации идей, техник, идеалов, имеющую основополагающее значение для городского ареала. Если иметь в виду последнее, то нам открывается несколько важных возможностей.

Разумеется, на очень тесную координацию образовательных учреждений вряд ли стоит надеяться. Возможно что-то вроде Нью-Йоркского или Чикагского университетов, где все институты высшего образования были бы собраны, по крайней мере, достаточно близко, чтобы иметь шапочное знакомство друг с другом. Можно сотрудничать без консолидации, но нельзя без ассоциации. Однако этого я даже не предлагаю.

а) Какой-нибудь город между тем мог бы учредить городской совет по исследованиям, где можно было бы собрать исследователей сообщества из институтов высшего образования, из разных правительств – местного, штата, национального, – из разных отраслей или откуда-нибудь еще с целью взаимообмена опытом, техниками, результатами исследований, программами и проектами, нацеленными на расширение знания.

Задачей такого совета в целом было бы создание максимально благоприятных условий для творческих исследований в регионе. Этот совет инвентаризировал и одобрял бы исследовательские проекты, академические, правительственные, промышленные и т.д., реализуемые в соответствующем регионе, предлагал бы пути и средства для более тесного сотрудничества между исследовательскими группами и отдельными исследователями, предлагал и продвигал бы совершенствование материальной инфраструктуры творческих исследований в регионе, управлял бы вверенными ему исследовательскими фондами, готовил и публиковал бы ежегодный отчет, суммирующий ход исследовательской работы в регионе и разъясняющий значимость этих научных достижений для его жителей, сотрудничал бы с исследовательскими советами других регионов.

Я вовсе не забыл о впечатляющих достижениях национальных советов в Бостоне, Нью-Йорке, Филадельфии; но сейчас я говорю о местных советах, или академиях. Подобный совет мог бы знакомить сообщество с методами, целями, результатами исследований, и прежде всего – с тем духом, которым они наполнены. Исследовательские ресурсы любой сельской местности, любого города относятся к числу величайших их ресурсов.

Нашим городам известны оценки собственности в долларовых знаках и суммы денег на счетах, но не интеллектуальные ресурсы, от которых зависит ценность золота. Базовая валюта не вовлечена в полное обращение. Чикаго горел, но восстал из пепла; это здание могло бы обрушиться, но если те, кто его занимает, спаслись бы, оно бы выросло снова. И, разумеется, механизм ис-

следовательского совета мало бы значил, если бы не был символом идеи и выражением воли.

б) Выглядит уместным и удобным организовать центр взаимодействия муниципальными исследованиями в Вашингтоне или где-нибудь еще. Глядя на Вашингтон, фермер легко может выяснить, что известно о его проблеме. Горожанин в этом отношении оснащен куда хуже. Но результаты городских исследований можно без больших затрат сделать доступными миллионам горожан для ознакомления и получения подобной ориентации. Пользуясь поддержкой частного сектора, мы все еще тщетно ищем институт урбанизма, сопоставимый с имеющимся в Париже.

5. *Муниципальные финансы.* – Среди множества функциональных проблем, в которых остро необходимо разобраться, сошлюсь только на одну, имеющую колоссальное значение для будущего городских сообществ. Это общественные бюджеты городов. Городские общественные финансы – новая и огромная по масштабам проблема. В годы последней депрессии городские ареалы, приносившие миллионы в национальную казну, были вынуждены ходить с протянутой рукой и клянчить финансовую поддержку. Ненормально в этой ситуации то, что правительства 48 штатов, определяющие локальные системы налогообложения, с точки зрения общей суммы расходов вдвое уступают тем местным правительствам, которые они должны контролировать. Одни только крупнейшие наши города – Нью-Йорк, Чикаго, Бостон и Детройт – имеют бюджеты, превосходящие бюджеты содержащих их штатов. Проблема муниципальных финансов еще более усложняется расширением федерального и штатского налогообложения в пользу новых служб. Мы сталкиваемся с реорганизацией муниципальных финансов, которые сами являются неотъемлемой частью финансов штатов и национальных финансов.

Беспрецедентный рост городов сопровождался неконтролируемым разукрупнением, спекулятивными практиками и самыми фантастическими бумами в сфере недвижимости; последние означали впечатляющие прибыли для немногих, но трагические личные потери для прочих и обременительные делинквентные свойства для сообщества – и все это в масштабах, влияющих на экономическое положение всей нации. Историю недавней индустриальной депрессии не написать без отчета о роли необоснованного финансирования и спекуляций в сфере недвижимости, становившихся временами просто игрой в рулетку. Теперь мы сталкиваемся с проблемой выработки рациональной городской земельной по-

литики, которая, давая адекватную возможность благоразумного и прибыльного землепользования частным собственникам и девелоперам, будет в то же время пресекать формы спекуляции, показавшие свою пагубность для инвестирующей и платящей налоги обществу.

Перейду к заключению. Я знаю, что есть те, для кого урбанизм – это мерзость, продолжающиеся Содом и Гоморра. Я знаю, что литература кишит проклятиями, обрушиваемыми на уродство и греховность крупных центров населения, и что есть люди, которые, возможно, разнесли бы и разрушили их все до основания, не оставив камня на камне. Их единственным городским изысканием было бы нахождение подходящего круга ада для города. Я не могу разделить их эмоциональные всплески. Я читал о Вавилонской башне и о Содоме и Гоморре; но я читал еще и Откровение. И мой ум не согласен с их рассуждениями и их выводами.

Мне кажется, что недостатки наших городов состоят не в разложении и грядущем упадке, а в избыточной витальности, прорывающейся наружу под колоссальным давлением; тут скорее наводнение, чем засуха. Город – это и великая игровая площадка, и великое поле битвы, одновременно бурлящий центр лихорадочных любителей развлечений и пыльная, тлеющая, порой накаляющаяся докрасна арена промышленного конфликта. Именно города должны создавать двусмысленные и подвижные границы между досугом и пороком не только для своих граждан, но и для некоторых своих визитеров. Именно города должны очерчивать трагические пограничные линии порядка и справедливости в суровой индустриальной борьбе.

Если активы урбано-индустриальной цивилизации не всегда так хорошо видны, как ее пассивы, то это не значит, что нет существенных выгод в высокоспециализированных деятельности городов, в преимуществах ассоциации, в широкой экспансии производительных сил, в росте центров науки, медицины, образования, изобретений, религии, в высоких уровнях художественных и культурных достижений.

Глядя на американские города, равно как и на сельские ареалы, никто уж точно не скажет: «Воистину, заря занимается». Но есть много признаков в небе, которые, вполне возможно, предсказывают день надежды, когда наши расплывающиеся города смогут найти лучшие формы общинной структуры, более мудрые планы и программы действий и более высокие уровни материального и духовного процветания. Муниципальная история прошлого

поколения, исчерченная тут и там шрамами и ужасающая, все же не лишена своих триумфов в человеческих достижениях. В городе есть свои формы величия, своя масштабность и грандиозность, свои святилища и храмы науки и искусства, свои образы жизни, многие из которых бесценны для личности и для общества. Есть демократия в рассеянных немногих, но есть демократия и в плотной толпе с ее жизненными импульсами и настойчивым требованием справедливого участия в достижениях нашей цивилизации. Есть плодородие и созидание в богатых почвах обширной сельской местности, но есть свои плодотворность и креативность и в тех формах промышленности, искусства и личности, что, рождаясь из самих городских улиц, возносятся к небу.

Развитие городских сообществ, от которых зависят образы жизни миллионов людей, обусловлено внимательным и упорным исследованием основополагающих сил, открытием городских поведенческих паттернов и способов их обусловливания, а также распространением исследовательских результатов по всему сообществу как основы для осмысления и действия.

Городская ассоциация, насколько бы сложной и тонкой она ни была, основывается на интеллекте, подкрепленном анализом, технологией, наукой, изобретениями, на проверенном знании, которое несет с собой социальную мудрость. И, прежде всего, должны быть городские ценности, заставляющие людей, как встарь, восклицать: «Я гражданин небезызвестного города!»*

Будучи, наверное, самым сложным из явлений ассоциации, современный город не скован своим прошлым, не поработен железными традициями и давними пережитками, но свободно смотрит в будущее, самое лучшее и богатое из всех желаемых. То, что кажется слабостью городов – а именно их дезинтегрированность, – может быть открытой дорогой к более легкой реконструкции, если наш социальный интеллект сможет обрамить и оформить наши ресурсы в созидательные паттерны.

* См.: Деян. 21: 39. – *Прим. пер.*

**ГАРОЛЬД ДУАЙТ ЛАССУЭЛЛ
(1902–1978)**

Г.Д. Лассуэлл

ПОЛИТИКА: КТО ДОСТИГАЕТ ЧЕГО, КОГДА И КАК?¹

От переводчика

Перевод «Политики» Гарольда Лассуэлла требует небольшого комментария.

Как и у других социальных ученых-прагматистов, у Лассуэлла нет сложного, строгого, систематически организованного понятийного аппарата. Большинство используемых специальных терминов используются как гибкие рабочие инструменты. Это касается в том числе специальных терминологий из тех областей знания, которые затрагиваются в его мультидисциплинарном политическом анализе (экономики, социальной политики, психологии и психоанализа и т.д.). С передачей этой терминологии на русский язык нет проблем, за исключением отдельных случаев, когда Лассуэлл использует термины из других областей не вполне стандартно, когда в русском языке закрепились вариативность в передаче того или иного термина или когда для каких-то англоязычных терминов нет точного соответствия в русском языке. При переводе этой терминологии основными ориентирами были точность и узнаваемость, но, с учетом места и функции этих терминологических средств в лассуэлловском анализе, придавалось значение и конкретным контекстам их применения для лучшей и более адекватной передачи смысла. Насколько это удалось, судить не мне.

Вместе с тем у Лассуэлла присутствует и небольшой набор понятий, которые (при всей их гибкости) придают каркас его работе, организуют ее, снабжают ее опорными (или рамочными) клас-

¹ Источник: Lasswell H.D. Politics: Who Gets What, When, How. – New York : Whittlesey House, 1936.

сификациями. Кроме понятия *influence* («влияние»), это прежде всего два понятийных ряда, и оба требуют пояснений.

Первый ряд – это понятия *income*, *safety* и *deference*.

(1) С понятием *income* просто, оно передается как «доход».

(2) Так же просто с понятием *safety*, оно передается как «безопасность». Но здесь нужна оговорка: так же, как «безопасность», передается во многих случаях и другое слово, *security*, но кое-где, в зависимости от контекста, оно передается как «надежность».

(3) С термином *deference* сложнее. В большинстве случаев, особенно там, где он выполняет прежде всего классификационную функцию, наиболее адекватным и точно соответствующим по смыслу сочтено слово «авторитет», и оно же используется. Однако в отдельных случаях контексты употребления не позволяли воспользоваться этим словом, и для передачи использовались такие слова, как «почитание» и «авторитетность». Важно отметить, что для перевода этого термина никогда не использовалось слово «уважение».

(a) *Deference* у Лассуэлла подразделяется на *power* и *respect*. Термин *power* везде единообразно передается словом «власть». Для перевода *respect* используется слово «уважение», оно строго закреплено за этим термином.

(б) Слово *authority* нигде в переводе не передается словом «авторитет». Для его передачи в единственном и множественном числе используются, в зависимости от контекста, слова «власть», «власти», «властные лица».

Второй понятийный ряд – *skill*, *class*, *personality*, *attitude*.

Если с последними тремя терминами нет никаких проблем (они передаются, соответственно, как «класс», «личность» и «установка»), то с первым проблема есть. Термин *skill* не имеет точного эквивалента в русском языке, и его невозможно передать в переводе единообразно. Для его передачи, в зависимости от конкретных контекстов, использовались три слова – «умения», «навыки», «мастерство»; при чтении перевода «Политики» это важно иметь в виду. В исключительных случаях использовалось еще и четвертое слово – «квалификация». Дело не только в том, что в отдельных случаях оно больше подходило, чем первые три, но и в том, что у Лассуэлла есть составные термины – *skill forms*, *skill groups*, – для адекватной передачи которых требовалось прилагательное от слова *skill*, но от слов «мастерство», «умение» и «навык» в русском языке прилагательные не образуются, их нет. Для слова «квалификация» прилагательное есть – «квалификационный». Соответственно, термин *skill groups* передает-

ся в переводе – по аналогии с «классовыми группами» (*class groups*) – как «квалификационные группы».

Эти переводческие решения (лучших найти не удалось) важно иметь в виду при пользовании представленным здесь переводом книги.

*В.Г. Николаев*¹

ПРЕДИСЛОВИЕ

Истолкование политики, содержащееся в этой книге, лежит в основе рабочей установки практикующих политиков. Одно из умений политика – просчитывать вероятные изменения во влиянии и влиятельных.

В этой версии политики для исследователей социального развития нет ничего нового. Тем не менее ей постоянно угрожает возможность пропасть из виду. Даже сейчас на английском языке нет краткой и емкой книжки, где эта точка зрения была бы изложена для исследователя, учителя, ученого, гражданина и политика и увязана с текущими временами.

Из отсутствия своевременных напоминаний об этой основополагающей точке зрения вытекает ряд практических и теоретических следствий. То, что практикующие политики, погрязнув в непосредственной данности, теряют видение отдаленного, вполне ожидаемо. То, что исследователи-систематики, избавленные от давления сиюминутной и всепоглощающей необходимости, часто наращивают педантизм в познании тривиального, тоже несколько не удивляет.

Когда влияние ищется новыми средствами или при изменившихся условиях, понятия для изучения влияния надо менять или изобретать заново. В эпохи быстрого развития значимость интеллектуальных усилий нуждается в переоценке. В необходимости ориентации в наши дни убежден едва ли не каждый. Новое увлечение общества планированием может (как утверждает Карл Маннгейм) требовать новых стилей мышления.

Мир вне Советского Союза наполнен критическим недовольством. По хорошо уложенным дорогам интеллектуальных достиже-

¹ **Николаев Владимир Геннадьевич** – кандидат социологических наук, доцент Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», старший научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН.

ний путешествуют неохотно – не из протеста против инженерии, а из скептического отношения к отправной точке и пункту назначения. Литература по сравнительному изучению государства, права и управления во многом посвящена таксономии институциональной практики и мало что говорит о живых формах, которым это идет на пользу или во вред. Резкий свет политического анализа гаснет в литературных выражениях политической созерцательности.

Британские, австрийские и американские экономисты не защищены от этой интеллектуальной погоды. Классическую экономическую науку, если верить Рикардо, интересовало распределение богатства, одного из основных средств влияния. Состояния распределения богатства в условиях свободной конкуренции описывались со всей тщательностью. Распределение же его при других условиях оставалось на обочине классического анализа. Современные события жестко напомнили нам о том, что распределение зависит не только от торга, но и от мифа и насилия (веры и разбоя).

В этой книге сверх изложения и иллюстрации вышеупомянутой точки зрения мало что сделано. Связь того, что здесь написано, с тем, что написано в других местах, проясняют в какой-то мере библиографические примечания к отдельным главам, помещенные в конце книги. Специалисты непременно отличат оригинальный материал от большого количества вторичного. Те, кто примет предложенную здесь схему соотнесения, обретут общие стандарты для направления будущих интеллектуальных усилий.

Из различных аспектов представленного здесь анализа вытекает много практических следствий. Мои открытия во многом перекликаются с заключительными главами книги «Перспективы американской политики», которую опубликовал мой друг, коллега и представитель, профессор и сенатор штата¹ Т.В. Смит. Это в высшей степени радует меня и как друга, и как коллегу, и как избирателя.

Цитата из «Опыта автобиографии», опубликованного в издательстве The Macmillan Company, приводится с любезного разрешения Г.Дж. Уэллса. Выдержки из трилогии Юджина О'Нила «Траур – участь Электры» – воспроизводятся с любезного разрешения издательства Random House.

Г.Д. Л.
Чикаго, Иллинойс
Июнь 1936 г.

¹ Речь идет о штате Иллинойс. – *Прим. ред.*

ЧАСТЬ I. ЭЛИТА

Глава 1

ЭЛИТА

Изучение политики – это изучение влияния и влиятельных. Наука о политике устанавливает условия; философия политики обосновывает предпочтения. Эта книга ограничивается политическим анализом и не провозглашает никаких предпочтений. В ней устанавливаются условия.

Влиятельными являются те, кто получает больше всего того, что можно получить. Наличные ценности можно классифицировать, выделив среди них *авторитет* (deference), *доход* и *безопасность*. Те, кто получают максимум всего, являются *элитой*; остальные – *масса*.

Распределение авторитета сравнительно ясно в формальной иерархии. В пирамиде Римской католической церкви вершину занимает сравнительно небольшое число чиновников. Это единственный папа, 55 кардиналов, 22 апостольских делегата, 256 апостольских викариев, 245 архиепископов и 1578 епископов. Коммунистическая партия в Советском Союзе увенчивается острой вершиной в виде Политбюро, состоящего из девяти или 10 членов. Более рыхлая структура правительства в Соединенных Штатах наделяет тем не менее особым влиянием Верховный суд, состоящий из девяти человек, президента, единственного числом, и Конгресс, насчитывающий несколько сотен членов. Хотя о любом ярком и словоохотливом парне в Соединенных Штатах могут твердить, что он в один прекрасный день может стать президентом, только восемь таких в последнем поколении это сделали. Могущественный американский Сенат, хотя сравнительно велик, мог обеспечить место только 480 сенаторам в каждом поколении, при условии, что никто из них не будет переизбран. В пирамидах авторитета склоны, по форме и фактически, отвесны.

Распределение безопасности обычно не столь несправедливо, как распределение авторитета, и часто может проявлять негативную связь с ним. Так, одно из исследований показало, что из 423 монархов разных стран и времен 31,9% умерли насильственной смертью. 40% президентов Республики Боливия пришли к на-

насилию. Такие цифры можно правильно оценить, напомнив, что насильственные смерти (включая самоубийства) в Соединенных Штатах составляли в 1921 г. 7,2% от общего числа смертей; при этом насильственной смертью умерли 12,1% президентов Соединенных Штатов и Франции и 9% католических пап. Относительная безопасность популяций в целом меняется от эпохи к эпохе. Из каждой тысячи французов, умерших в XVII в., пятеро были убиты или ранены в бою. В XVIII в. это число выросло до 12, в XIX в. – до 13 и в XX в. – до 14.

В странах западноевропейской цивилизации богатство и доход распределяются неравномерно. В 1928 г. – а это был год высокой деловой и спекулятивной активности – национальный доход Соединенных Штатов составлял 541 долл. на душу населения, что было в 2,5 раза выше, чем во Франции или Германии (доллар взят в покупательной способности 1913 г.). В 1913 г., накануне Мировой войны, эта цифра в Соединенных Штатах составляла 368 долл. на душу населения. В промежуточный период США продемонстрировали наибольший абсолютный рост дохода среди основных держав, а наиболее впечатляющий относительный прогресс был достигнут Японией, где доход на душу населения вырос с 22 долл. в 1913 до 53 в 1925 г. Соединенное Королевство, следовавшее за США в абсолютном росте дохода, показало 250 долл. на душу населения в 1911 и 293 долл. в 1928 г. В России доход на душу населения вырос с 52 долл. в 1914 до 96 в 1928 г., что было больше относительного прироста во Франции и Германии. В Италии эта цифра упала со 106 долл. в 1914 до 96 в 1928 г.

Существуют резкие различия в распределении дохода в данных сообществах. В 1918–1926 гг. 10% населения Соединенных Штатов получали треть национального денежного дохода.

Только что выделенные ценности авторитета, безопасности и дохода – ценности не единственные, но представительные. Политический анализ мог бы использовать и другие комбинации; тогда итоговые сравнения элит были бы другими. Открытия политического анализа различаются также тогда, когда для акцентирования отбираются разные характеристики влиятельных. Одна из форм анализа рассматривает разделение ценностей в соответствии с *умениями и мастерством*.

Боевое мастерство – явно один из самых прямых путей, приводящих на вершину, и неважно, ведутся ли сражения во имя бога, нации или класса. Мустафа Кемаль-паша сражался в Турецко-итальянской войне в 1911 г. и командовал северной частью турец-

ких войск на Галлипольском полуострове в 1915 г. и в других сражениях. Муссолини и Гитлер получили свое боевое крещение в Мировой войне. Несколько человек, стоящих у руля в Советском Союзе, добились своего положения в основном с помощью насилия, скорее нелегального, чем легального. Иосиф Сталин был впервые арестован в 1901 г., после чего ушел в подполье, работал в революционном движении и постоянно подвергался риску. Юзеф Пилсудский, бывший диктатор Польши, сосланный в 1888 г. в Сибирь за связь с польским национальным движением, в 1892 г. вступил в Социалистическую партию и создавал тайные боевые группы.

Герман Геринг был последним командиром эскадры *Freiheit von Richthofen*, прославившейся в последние годы Мировой войны. Рудольф Гесс, секретарь Национал-социалистической партии и ближайший соратник Гитлера, в прошлом был членом 35-й истребительной эскадры. Д-р Роберт Лей, руководитель национал-социалистических профсоюзов, был военным летчиком, как и Грегор Штрассер, вплоть до прихода нацистов к власти тесно связанный с Гитлером. Такую же активную роль в партийной политике часто принимали военно-морские офицеры и отчасти офицеры-подводники.

Относительно гражданских постов, теснейшим образом связанных с насилием, можно вспомнить закрепленное за родом Рузвельтов право на пост заместителя военно-морского министра. Этот пост занимал какое-то время Теодор Рузвельт. Позже на этом посту служил с 1913 по 1920 г. Франклин Д. Рузвельт; он также отвечал за инспекцию военно-морских сил Соединенных Штатов в европейских водах в июле – сентябре 1918 г.

Мастерство в политической организации традиционно представлено в американском кабинете фигурой министра почт. Организаторское мастерство было незаменимым при устранении Троцкого секретарем Коммунистической партии Сталиным. В фигуре Гитлера мы находим примечательное сочетание ораторского и организационного мастерства, у Муссолини – ораторского, журналистского и организационного мастерства, у Масарика – ораторского дара, журналистского мастерства, учености и организаторских умений. Стоит отметить, что Политбюро Коммунистической партии постепенно изменило свою композицию, возвысив организационное мастерство в сопоставлении с ораторским, журналистским и научным.

Умение работать с людьми посредством значимых символов включает в себя использование таких опосредований (*media*), как

устное выступление, полемическая статья, новостной сюжет, правовое заключение, теологическое рассуждение, роман со смыслом и философская система. Возможности жить за счет манипулирования символами для людей стремительно росли вместе с усложнением нашей материальной среды вследствие экспансии технологии. Например, с 1870 г. число профессиональных авторов в Америке подскочило от незначительной горстки до 12–13 тыс. Там, где было прежде 4 тыс. художников, – теперь 60 тыс., вместо 2 тыс. актеров – 40 тыс., вместо 16 тыс. музыкантов – 165 тыс. Число учителей возросло десятикратно. Там, где в 1870 г. был один журналист, – их теперь 10. Юристов сегодня 300 тыс., и все знают, как много влияния осуществляется юристами в судах, законодательных органах, разного рода комиссиях и советах директоров. Половину президентского кабинета составляют юристы.

Число специалистов по работе с вещами в современную эпоху так же впечатляюще возросло, как и число специалистов, работающих с людьми. В США число технических инженеров (включая электриков) выросло с 7 тыс. в 1870 до более 226 тыс. в 1930 г. (число работающих по найму среди них выросло в целом лишь на 300%). Тем не менее тем, кто специализируется на инженерии, достается меньше авторитета, чем тем, кто специализируется на символах, овладевающих массами.

Дорогой к видному положению, пока в XIX–XX вв. длилась экспансия современной промышленности, было умение торговаться.

Элиты можно сравнивать не только в терминах мастерства, но и в терминах *класса*. Класс – крупная социальная группа, основанная на сходстве функции, статуса и мировоззрения. Основными классовыми образованиями в новейшей мировой политике были аристократия, плутократия, средний класс и работники физического труда.

В 1925 г. земельная аристократия Германии владела большинством крупных поместий, которые занимали 20,2% пахотных земель страны. Ей принадлежало 40% земель к востоку от Эльбы. В общей сложности, эти крупные поместья в Германии составляли лишь 0,4% от совокупного числа земельных владений. В основании пирамиды находились те, кто занимал небольшие владения: на долю 59,4% владений в Германии приходилось всего 6,2% возделываемых земель.

Сосредоточение земельной собственности в руках небольшого круга аристократов особенно примечательно в Чили, где 2,5 тыс. человек владеют, по официальным оценкам, 50 из 57 млн акров земель, находящихся в частном владении. В довоенной

Венгрии владения площадью 1300 акров и больше, составлявшие всего 0,1% от общего числа владений в стране, охватывали 17,5% ее общей территории. В балтийских провинциях бывшей Российской империи владения аристократии были настолько огромными, что такое новое государство, как Эстония, столкнулось на заре своего существования с тем, что 58% всей его территории занимали 1149 крупных поместий. В Латвии, где полстраны было заключено в 1300 помещичьих владениях, земельные реформы создали к 1922 г. 43 тыс. новых крестьянских хозяйств.

По мере прохождения капиталистического общества через разные фазы его развития из торговли, промышленности и финансов вырастали крупные плутократии. Типичным для торгового капиталистического периода было состояние Джона Джейкоба Астора, составившее 20 млн долл. и сколоченное на восточной и меховой торговле, а также на спекуляциях недвижимостью в Нью-Йорке. Позже пришли промышленные состояния. За счет спекуляций на железных дорогах Корнелиус Вандербильт оставил после себя 100 млн долл.; Сайрус Маккормик сколотил состояние на сельскохозяйственной технике, Эндрю Карнеги – на стали, Джон Д. Рокфеллер – на нефти, а Джон Пирпонт Морган – на банковских инвестициях. К 1929 г. в Америке было 504 человека с доходами выше 1 млн долл., а их совокупное богатство составляло 35 млрд долл. Как правило, эти крупные состояния были сильно диверсифицированы и репрезентировали бумажный контроль над отдаленными операциями.

В конце XVIII в. поднимающаяся буржуазия решительно столкнулась с французской аристократией. В других местах новая буржуазия с большей готовностью сливалась с разлагающейся аристократией. Хотя крупнейшим в Германии в 1913 г. было состояние Круппа, составившее 70 млн долл. и представлявшее новых промышленных капиталистов, вторым по размеру состоянием владел аристократ, князь Хенкель фон Доннерсмарк. Пятым был Кайзер. Большинство дворянских состояний были диверсифицированы и зависели от типично капиталистических предприятий.

Постепенность угасания аристократии под нажимом новых социальных образований показывает анализ состава британского кабинета министров с начала XIX в. Гарольд Дж. Ласки показал, что в 1801–1831 гг. не менее 52 из 71 министра в ранге члена кабинета были сыновьями дворян. В 1906–1916 гг. сыновья дворян сравнялись в численности с другими социальными классами, давая 25 министров из 51. В 1917–1924 гг. дворянское происхождение имели уже только 14 из 53 министров.

В Японии переход к современному индустриализму и финансам был организован путем раздела новых предприятий между крупными феодальными семьями.

Нижерасположенный средний класс состоит из тех, кто практикует умения, приносящие скромные денежные вознаграждения. Стало быть, этот класс включает мелких фермеров, мелких бизнесменов, низкооплачиваемых профессионалов, квалифицированных рабочих и ремесленников. Работники физического труда – это те, кто приобрел мало умений и мастерства; они суть подлинный пролетариат. Границы между плутократией, мелкой буржуазией и пролетариатом – предмет ожесточенных споров в практической политике и большой неопределенности среди ученых. Социалистические пропагандисты иногда пытались включить в пролетариат квалифицированных рабочих и даже низкооплачиваемых профессионалов. Пропагандисты плутократии пытались затушевать демаркационную линию между большим бизнесом и большими финансами, с одной стороны, и мелким бизнесом и мелкими финансами – с другой, говоря о «бизнесе» как о едином целом.

Артур Н. Холкомб применил термины, определенные Бухариным, к США и получил следующие результаты: отнеся к «пролетариату» 24,8 млн работающих по найму и 14 млн домохозяек, он получил для «пролетариата» цифру, равную 51,7% работающих по найму; 1,6% были «капиталистами», 8% – «землевладельцами», остальные попали в число «промежуточных», «переходных», «смешанных» и «неклассифицированных». У.И. Кинг оценил средний доход человека, работавшего по найму в США в 1924–1927 гг.; по его оценке, он составил 1885 долл. Существенная, хотя и не определенная, доля «пролетариата» получала больше этой средней суммы.

Существует внутренняя психологическая установка, общая для тех, кто приносит жертвы ради приобретения мастерства, и эта связь обычно удерживает идентификацию мелкой буржуазии скорее с плутократией, чем с неквалифицированным пролетариатом. Общая обида на социальный порядок, не гарантирующий высоких вознаграждений за мастерство, побуждает мелкого профессионала, бизнесмена, фермера, квалифицированного рабочего держаться подальше от социальных форм, оберегающих плутократию. Те, кого анализ Холкомба классифицирует как «пролетариат», включают как полуквалифицированных и неквалифицированных работников, так и квалифицированных; следовательно, многие из них принадлежат к мелкой буржуазии, как мы ее здесь понимаем. Данные свидетельствуют о том, что мускулистый работяга в аме-

риканской жизни все больше вытесняется белым воротничком и профессионалом. По имеющимся оценкам, машинная революция в Соединенных Штатах избавила около 25% всего работающего населения от тяжелого физического труда, а трудосберегающие механизмы облегчили физическое бремя тех, кто остался на фермах, шахтах и фабриках. В 1870 г. 52,8% работающих по найму были заняты в сельском хозяйстве. К 1930 г. эта доля упала до 21,3%. Наиболее заметные изменения произошли в торговле и транспорте (рост с 9,1 до 20,7%), конторской службе (с 1,7 до 8,2) и профессиональной службе (с 2,7 до 6,5).

Вдобавок к соотношению с мастерством и классом, распределение ценностей можно рассмотреть в соотношении с *личностью*. Какова относительная успешность всех форм личности, известных клиническим и культурным психологам? Какова изменчивая fortuna мазохистов, садистов, обособленных одиночек, истеричных, одержимых, маньяков? С этой точки зрения ход истории перестает вращаться исключительно вокруг кавалькады классов и навыков; он становится последовательностью личностных форм.

Особый интерес вызывают личностные формы, предрасположенные природой и ранним воспитанием к тому, чтобы находить удовлетворение в исполнении особых ролей на политической сцене. Таким типом является, например, агитатор: от ближних его отличает интенсивность стремления к получению немедленного и возбужденного почитания (*deference*) со стороны современников. Поэтому он эмоционально склонен к культивированию таких навыков массового воздействия, как ораторское искусство и полемическая журналистика. Люди с меньшей потребностью в эмоциональном отклике могут быть менее яркими организаторами. Агитатор попадает в свою стихию во время крайнего обострения кризисов; для организатора благоприятны межкризисные периоды. Когда обостряются кризисы, Асквит уступает место Ллойд Джорджу, фон Гинденбург – Гитлеру. Когда кризисы идут на спад, сцена освобождается для Стэнли Болдуина или Уоррена Гардинга.

В начальных фазах кризиса вперед могут вырываться личности, столь же великодушные, сколь и твердые, и больше тактичные, чем безжалостные. Сгущающиеся тучи надвигающейся войны или революции рождают в массах глубочайшие тревоги. На краю катастрофы потребность в восстановлении уверенности может сыграть на руку мягкому Линкольну, а не пламенному Сьюарду.

Есть формы личности, легко привыкающие к деспотическому насилию. Они часто приучены терроризировать окружающих

самой силой своего упорства. Они успешно устанавливают контроль, экстернализируя свой гнев против всяких ограничений. Таковы люди наполеоновского склада, склонные разрушать себя или других.

В какой бы особой форме это ни выражалось политически, общей чертой политического личностного типа является подчеркнутый спрос на авторитетность. Когда такой мотив соединяется с умением манипулировать и своевременно подвернувшимися обстоятельствами, результатом оказывается эффективный политик. Полностью развившийся политический тип строит свою судьбу в мире публичных объектов от имени общественного блага. Он переносит частные мотивы на публичные объекты во имя коллективной пользы.

Подлинная политическая личность – сложное достижение. Когда дети рождаются, они не оснащены языком соотнесения с окружением, близким или дальним. Их импульсы организуются сначала в отношении ближайшего круга. Символы, отсылающие к миру людских дел, наделяются значением в этой первичной ситуации, и истинный политик учится пользоваться миром публичных объектов как средством снятия напряжений в своей ближайшей среде. Жажда авторитетности, фрустрированная или излишне взлелеянная в ближнем кругу, находит выражение во вторичном окружении. Этот перенос легитимируется от имени благовидных символов. Человек действует не ради самого действия; он полагает, что стремится к славе Божией, святости Дома, независимости Нации, освобождению Класа. В крайнем случае политик не привязан ни к каким конкретным объектам своей среды. Его не интересуют рутины природы, выявляемые в науке, искусстве, технологии; его занимает в объектах только то, что они значат для авторитетности его эго.

Помимо мастерства, классов и личностных групп, можно разобрать распределение ценностей между *установочными группами*. Мир делится между теми, кто пользуется влиянием на основе общих символов лояльности нации, классу, занятию, персоне. Видное положение может достигаться под знаменем воинственных или примирительных методов, под прикрытием требований обширной гаммы политических мер или во имя оптимистических видений будущего. Весьма разные личностные типы могут объединяться в лояльности нации или классу, методу, политике, мировоззрению. Иначе говоря, установочные группы пересекают поперек классификации личностей, даже если так же поперечны

мастерству или классу. В любой данный момент члены квалификационной или классовой группы могут не достигать полного сознания своих квалификаций или классового сознания. Хотя объективный наблюдатель может быть способен разглядеть значение событий для их относительного успеха или неудачи, члены квалификационной или классовой группы могут говорить на языке патриотизма и не иметь общего символа для своего класса и мастерства.

В данный момент, возможно, будет удобно оглянуться и оглядеть поле, которое мы только что очертили. Термин «политика» был использован для обозначения изучения влияния и влиятельных. Ясно, однако, что для измерения влияния и влиятельных не может быть с пользой задействован ни один простой показатель. Одна из сторон влияния – относительная доля в ценностях. Используя разные ценности, можно получить разные результаты. Элита авторитетности – не обязательно элита безопасности. В имеющийся список из трех ценностей (авторитета, безопасности, дохода) можно добавить больше ценностей. Каким бы ни был этот список, вписанные в него элементы можно по-разному комбинировать, получая тем самым разные результаты, соответствующие разным суждениям об *элите вообще*. Определив влияние иначе, чем через относительную долю ценностей, можно получить новые результаты. Можно использовать данный термин для указания на суждение о том, как на ценностях *могли бы* сказываться конфликты между ними. Так, можно было бы оценить финансовых капиталистов как более сильных или более слабых по сравнению с промышленными капиталистами в случае их гипотетического столкновения.

Следовательно, мы не можем ожидать от анализа никакой статической определенности. Это постоянный процесс повторной проверки и пересмотра, привносящий в фокус критического внимания новые аспекты мира. Единой рамкой соотнесения для исследователя, специализирующегося на изучении политики, является богатое и изменчивое значение «влияния и влиятельных», «власти и могущественных».

Наверное, тут читатель остановится и задумается о своем положении в мире с намеченных ранее точек зрения. Каковы мои основные умения? Каков мой класс? Каков мой тип личности? Каковы мои лояльности, предпочтения в отношении коллективной программы действий и установки? Какое место занимают эти умения, классовые и личностные образования в распределении таких ценностей, как авторитет, безопасность и доход, в моей местности, моем

регионе, моем государстве, на моем континенте, в моем мире? Как до сих пор менялось в течение моей жизни мое положение, и какие вероятные изменения еще в нем произойдут до моей кончины?

Разумеется, последний вопрос ставит с предельной остротой ключевую проблему. Одна из задач мышления – помогать человеку в размещении себя как объекта среди объектов в течении времени. Нужно правильно видеть себя в контексте событий, включающих, наравне с прошлым, и будущее. В этом случае целью является ориентация в череде квалификационных, классовых, личностных и установочных форм во времени.

Это *созерцательный* подход к политическим событиям. Но есть еще и *манипулятивный* подход. Он рассматривает события, с тем чтобы открыть способы и средства достижения целей. Такая точка зрения не обязательно требует открытого участия в революционных или контрреволюционных, реформистских или контрреформистских движениях, хотя и приближает установку аналитика к установке агитатора-организатора. Если смотреть на события в этой перспективе, то новое чувство личной вовлеченности может оказать живительное воздействие на мыслителя, когда он возвращается к созерцательной установке.

Как можно атаковать элиты и как можно их защищать? Как достигать специфических целей с помощью символов, насилия, благ, практик? Таковы основные проблемы манипулятивного подхода, как мы здесь его понимаем. Эти вопросы будут затронуты в следующих четырех главах. После этого мы вернемся к созерцательному подходу и истолкуем значение событий с точки зрения мастерства, класса, личности, установки.

Наверное, будет полезно поместить предлагаемое здесь истолкование политики в контекст сложившегося на данный момент специализированного мышления об этом предмете. Только в 1906 г. в Соединенных Штатах набралось достаточно политических ученых, чтобы учредить национальную организацию (хотя Американская экономическая ассоциация была основана еще в 1885 г.). Первые члены этой ассоциации рекрутировались с кафедр или департаментов государственного управления или политической науки, с нескольких департаментов истории и философии и из некоторых школ права. Хотя в распоряжении этих политических ученых были разные специальные умения, их объединял общий интерес к тому, что понималось как институт правительства. В отличие от права и философии, политическая наука была в основном сравнительным изучением правительства, выводящим на

передний план широкие исторические преобразования, приведшие к возникновению современных институтов, особенно в Западной Европе и в англоговорящих странах.

В последние годы академическая политическая наука нарастила свое описательное содержание, сосредоточив внимание на государственном управлении, политических партиях, пропагандистских группах и политических личностях. Политических ученых стали больше интересовать недавнее прошлое и надвигающееся будущее, а не далекое прошлое. Одним из результатов этого сдвига в фокусировке внимания стало использование методов исследования, не входивших в традиционный багаж историков, философов и правоведов.

Изучение недавнего прошлого и надвигающегося будущего привлекло внимание к техникам интервью и полевого наблюдения. Это ввело больше политических ученых в соприкосновение со специалистами, искусными в интервьюировании примитивных людей (культурными антропологами), в добывании личных биографических документов (социальными психологами, социологами), в длительном техничном интервьюировании (клиническими психологами, особенно психоаналитиками) и в контролируемом наблюдении (специалистами в сферах поведенческой психологии, детской психологии, прикладной психологии).

Заинтересовавшись недавним прошлым и надвигающимся будущим, политические ученые стали изучать классы повторяющихся событий (вроде голосования). Это сделало возможным сравнение результатов с помощью количественных процедур и ввело политических ученых в более тесное соприкосновение со статистиками.

Таким образом, политический ученый смог обратиться за помощью в решении своих проблем не к историку, правоведа или философу, а к новым и интенсивно развивающимся квалифицированным группам в академическом разделении труда.

Разумеется, такие изменения в кругозоре должны были с высокой вероятностью вызвать изменения не только в техниках политических ученых, но и в понятиях. Некоторые выразили недовольство отождествлением своей области изучения с «правительством» или «государством». Они обнаружили, что традиционный словарь политической науки нелегко приспособить к выявлению относительных изменений. Прежде различия проводились между «суверенным» и «не суверенным», «государством» и «не государством», «централизованным» и «децентрализованным». Но большинство событий, похоже, попадали где-то между этими словами в духе

«или – или» и требовали языка, приспособленного к проведению различий в виде «больше – меньше». Долгие исследования могли увенчиваться разделением государств мира на «диктатуры» и «не диктатуры», однако эта двухчленная классификация не казалась особенно важной. Отсюда возник растущий интерес к изменчивым степеням «власти», или «влияния», и к использованию предварительных и частичных индикаторов влияния.

То, что политическая наука фокусируется на влиятельных, не означает пренебрежения к распределению ценностей во всем сообществе. Невозможно локализовать немногих, не рассмотрев многих. А акцент на вероятности того, что немногие будут получать больше всех, не означает, что многие не будут получать выгоду от некоторых политических изменений.

Более того, анализ политических результатов в терминах тех или иных ценностей (таких как авторитет, безопасность, доход) не предполагает, что к этим результатам или ценностям осознанно стремятся. Определить влияние самосознательных устремлений – задача исследования. «Классовые последствия» и «квалификационные последствия» могут при каких-то обстоятельствах наступать без малейшей толики «классового сознания» или «сознания мастерства». Реально находимые субъективные установки могут скорее вредить относительному влиянию классовых или квалификационных групп, нежели ему способствовать. Такие установки будут скорее «ложным классовым (или квалификационным) сознанием», чем «истинным классовым (или квалификационным) сознанием».

Итак, политическая наука – это изучение влияния и влиятельных. Влияние определяется на основе долей в ценностях, отобранных для целей анализа. Представительными ценностями служат авторитет, безопасность и доход. Ни один из показателей не является всецело удовлетворительным измерителем влияния сам по себе, но ситуации можно прояснять, применяя по очереди разные мерилы. Какие бы измерения ни применялись, внимание сосредоточивается на тех характеристиках влиятельных, которые могут быть описаны в отобранных терминах, таких как класс, мастерство, личность и установка. На судьбу элиты глубочайшим образом воздействуют способы, которыми она манипулирует своей средой; имеется в виду использование насилия, благ, символов, практик.

Эту книгу мы начнем с рассмотрения методов, *которыми пользуются* влиятельные, а завершим рассмотрением последствий этого *для* влиятельных.

ЧАСТЬ II. МЕТОДЫ

Глава 2 СИМВОЛЫ

Любая элита защищает и утверждает себя от имени символов общей судьбы. Таковыми являются «идеология» установленного порядка, «утопия» контрэлит. Пользуясь санкционированными словами и жестами, элита извлекает из масс кровь, труд, налоги, аплодисменты. Когда политический порядок работает ровно, массы чтут символы; элита же, самодовольная и ничего не боящаяся, страдает от неослабевающего чувства аморальности. «Бог в своих небесах – и в порядке мир!» «В единстве – сила» – и никакой эксплуатации.

Прочно установившаяся идеология увековечивает себя с помощью толики плановой пропаганды со стороны тех, кто больше всего от нее выигрывает. Когда мыслью овладевают способы и средства, помогающие сеять убежденность, убежденность уже ослабла, а базовое мировоззрение общества пришло в упадок, либо новое всепобеждающее мировоззрение еще не овладело автоматическими лояльностями стариков и молодежи. Поистине счастлива нация, которая никогда о себе не задумывалась, или, по крайней мере, те немногие, кому выпадают основные выгоды от всеобщего молчаливого согласия. Системы жизни, награждающие других людей особыми выгодами, не нуждаются ни в интригах, ни в заговорах, когда массами движет вера, а элиты вдохновлены самоуверенностью.

Всякий сложившийся образ жизни формирует человеческое поведение по своим лекалам. Индивидуализм буржуазного общества, как и коммунизм обобщественного государства, должен внушаться с колыбели и до могильной плиты. В Соединенных Штатах – как в одной из буржуазных наций – жизнь, выстраивающаяся на основе личных достижений и личной ответственности, превозносится в песнях и историях начиная с первых проблесков сознания. Копилки исподволь прививают навыки бережливости; торговые сделки на школьном дворе ненавязчиво пропагандируют буржуазную шкалу ценностей. Индивидуальные отметки в школьном журнале вводят в соперничество со своими товарищами.

«Успех или неудача зависят от тебя». «Старайся – и преуспеешь». Последнее означает: «Если стараешься, то придет успех; если успех не приходит, то, значит, ты недостаточно старался».

«Всемогущий доллар»: денег не хватает, и «сейчас неразумно покупать велосипед»; «нужно быть экономными и продержаться еще сезон со старым автомобилем»; «им прямая дорога в богадельню; ты что, не видел, как она одевается!»; «они были достойные люди, а она – стыд и позор для своих родителей»; «они повздорили по поводу завещания»; «она точно вышла за него замуж из-за денег»; «поговаривают, что он отравил ее, чтобы загрести деньжат по страховке»; «отличный был человек, но пристрастился к выпивке и вылетел в трубу»; «это был хороший поставщик, пока не принялся шляться повсюду и тратить деньги на всяких шалавах»; «я слышал, что Гарри неплохо орудует в сфере недвижимости»; «во сколько это тебе обошлось?»; «сколько стоит обучение в этом колледже?»

В фокусе преклонения находятся богатый и преуспевающий дядюшка, богатый и преуспевающий священник, богатый и преуспевающий выпускник университета, богатый и преуспевающий банкир. Их портретами украшают стены; их бюсты выставляют в холлах; их присутствие придает достоинство торжественным мероприятиям. За обеденным столом, в детской комнате, на углу улицы звучат эпитеты, когда какие-нибудь «неудачники» обращаются за благотворительной помощью, прибегают к воровству или еще чему похуже.

Сплетни, беллетристика, кинокартины поддерживают тезис о личной ответственности за неудачу или успех. Он потерпел фиаско, потому что ему не доставало такта, потому что у него запах изо рта, потому что он не завершил заочное обучение, потому что он выбрал неправильный колледж, потому что он забыл прилизать волосы. Она достигла успеха, потому что подобрала правильную губную помаду, изучала дома французский язык с помощью фонографа, ухаживала за кожей, к которой вы любите прикасаться, покупала мягкое и изысканное нижнее белье. Если бы она еще занялась машинописью и стенографией, то вышла бы замуж за босса. Вполне типичны в плане изображения мотивов внезапного успеха следующие кинокартины, которые последовательно видит киноман. В картине «Я не ангел» бывшая танцовщица выходит замуж за человека из высшего общества. В «Утренней славе» мечтавшая о сцене деревенская девушка внезапно получает звездную роль в премьерном спектакле и производит фурор. В фильме «Моя сла-

бость» девушка-служанка, превратившись в леди, завоевывает мужчину из высшего общества. В фильме «Император Джонс» чернокожий носильщик возносится до положения императора, прежде чем потерпеть фиаско. В «Параде в огнях рампы» молодой театральный продюсер добивается успеха за одну ночь напряженной работы.

Социальные и промышленные трудности автоматически сводятся к личностным уравнениям. Если на угольной шахте некой компании *X* что-то идет не так, то это потому, что ее хозяева где-нибудь в Нью-Йорке не знали об этом. А тем временем проблему могут создать радикальные агитаторы или рэкетеры, подстрегающие людей к тому, чтобы те привлекли их в качестве лидеров забастовки или штрейкбрехеров.

Все внимание, таким образом, поглощается личностными проблемами. Газеты сообщают, что тот-то и тот-то убил ту-то и ту-то, потому что застал ее с другим мужчиной или чтобы она не могла узнать, что он ходит к другой женщине. Газеты сообщают, что тот-то и тот-то выиграл выборы, потому что произнес великолепную речь. Газеты сообщают, что тот-то и тот-то погиб на железной дороге, потому что забыл посмотреть, не приближается ли поезд. Газеты сообщают, что та-то и та-то пострадала, потому что не прочитала инструкции на упаковке. О конкретных инцидентах не пишут как о чем-то, в чем представлен контекст взаимоотношений. Не отчаяние от безработицы, не уязвимость, вызванная урожаем, не падение эффективности управления из-за возросшего бремени запретительного регулирования, а личные мотивы и трудности – вот что является содержимым вторичных средств коммуникации в буржуазном мире.

Когда жизнь от начала до конца пропитана такой идеологией, тезис о коллективной ответственности натывается на стену непонимания. В любом коллективном обществе в этом случае нужно было бы переткать заново всю ткань жизненного опыта. В Советском Союзе, например, были предприняты попытки переделать психологическую среду подрастающего поколения. Это означало создание коллективных домов, где вместо частных единиц были внедрены общественные прачечные и прочие подобные службы. Групповые задачи ставятся на место индивидуальных для того, чтобы в центре внимания удерживались коллективные предприятия, а не целеустремленные личности. В театральных постановках на передний план выносятся само представление, а не звезда, трактуется судьба движений, а не проблемы отдельного человека.

Эмблемы и слова организованного сообщества также являются частью драгоценной пелены раннего опыта. В Соединенных Штатах воспоминания всех переплетены с флагом, развевающимся на ветру в День поминовения, со «Знаменем, усыпанным звездами», гулко распеваемым в унисон по особым праздникам, с клятвой верности флагу, повторяемой перед часами уроков и чтений, с театрализованным представлением об Отцах-основателях, которое репетируется в школе, в церкви, в клубе. В памяти сохраняются тягостное, неловкое молчание при назывании имени родственника, уклоняющегося от воинской службы, рассказы о путешествиях и приключениях на флоте, в армии, в военно-воздушных силах, торжественный реквием по погибшим, марширующие колонны в сером, синем и хаки.

На таких торжественных мероприятиях, как инаугурация президента, объединяющие символы нации снова доходят до порога внимания. Время от времени идентифицирующий термин менялся. До Гражданской войны это был термин «Союз», но после войны кровавые и спорные ассоциации этого слова привели к практически полному его исчезновению из президентской риторики. Термин «Соединенные Штаты» все больше отбрасывался в пользу слов «Америка» и «американский», особенно после Мировой войны. Инаугурационное красноречие неизменно содержало ссылку на Бога, а также обычно такие слова, как «свобода», «независимость», «экономика», «самоуправление». Даже Джордж Вашингтон уже поминал общее прошлое, а после Франклина Пирса должным образом чествовались «наше славное прошлое» и «наши воспоминания». Редко забывались такие выражения, как «наши отцы, наши предки, создатели, отцы-основатели, наши мудрецы, наши герои». «Уверенность в будущем» была опущена только Джеймсом Монро и Гровером Кливлендом. В большинстве обращений негативно говорилось о «партийных пристрастиях». Обычно звучали такие слова самовосхваления, как «ум нашего народа, нашего праведного народа, нашей великой нации».

В изобразительном языке общественности, отраженном в карикатурах, другие нации часто играли жалкую роль, за исключением тех случаев, когда симпатия общественности более или менее эпизодически склонялась в их пользу. Многие годы «мексиканский» стереотип включал куртку болеро, огромное сомбреро, шпоры, револьвер и ружье. Одежда часто была рваной и потрепанной; обувь была залатанной, либо ноги и вовсе были босые. Темные волосы, слегка вздернутые усы, черные глаза, сжатый ку-

лак, дерзкое лицо вызывали скорее досаду, чем ненависть. «Мексиканца» часто изображали маленьким, тщедушным оборванцем, которого надо как следует отшлепать и отправить в кровать. Иногда его рисовали играющим с огнем, показывающим язык Дяде Сэму или застигнутым за подростковой шалостью полисменом, живущим по соседству на севере.

До 1915 г. была некоторая неопределенность со стереотипом «японца». Он фигурировал то как мальчишка, то как коротышка, носящий кимоно. Еще в мае 1915 г. карикатурист Бауэрс рисовал «японца» в кимоно до колен, с большим луком за спиной, с голыми руками и ногами, бритой головой, рядом белых зубов и копьем в руке. Но в 1915 г. наметилась тенденция к тому, чтобы отбросить кимоно и снабдить «япошку» военным снаряжением; сюда обычно входили короткая простая куртка (без украшений), штаны, плотно облегающая военная обувь, шлем, меч и часто револьвер или штык. Бывало, особенно во время Вашингтонской конференции, что «япошку» изображали в обычном деловом костюме; но в 1925 г. ему вернули все боевые регалии.

Предубежденность против правительства ярко отражается в отсутствии карикатурного стереотипа общественности как получателя выгод от общественных расходов. Акцент делается всецело на «Налогоплательщике». Облачаемый часто в темный костюм с белым воротничком, галстук-самовяз, иногда белый жилет, часто в легкие брюки, налогоплательщик – одна из тех патетических душ, которые всегда попадают под раздачу. Экипированный в прошлом соломенной шляпой, котелком или большой ковбойской шляпой, налогоплательщик теперь чаще изображается в мягкой фетровой шляпе того или иного размера; иногда она нахлобучена ему на макушку, иногда свисает на уши. Обувь у него может быть рваной и залатанной, но белый воротничок респектабельности сохраняется. У тщедушного скромного малого редкие волосы, длинный нос, тоненькие усики и очки. Пенсне примерно в 1921 г. было заменено на очки в роговой оправе. В отличие от «Общественности», «Налогоплательщик» всегда оказывается жертвой обстоятельств. Он может быть Исааком, которого собираются принести в жертву, забинтованным калекой, покидающим кабинет доктора Демократа, чтобы получить помощь у доктора Республиканца, гребцом, пытающимся дотянуть до свалки лома пять огромных крейсеров, качелями, на которых качаются правительственные экстравагантные причуды и траты.

Стереотип «Капиталиста», что довольно необычно, оставался многие годы некомплиментарным. Клетчатые штаны с темным пальто и костюм в клеточку в 1910–1911 гг. стали уступать место темному костюму или темному пальто с полосатыми штанами. Долгое время в этот стереотип устойчиво включались белый жилет, воротник крылышками, бабочка (или галстук-самовяз) и изменчивый по размеру и высоте цилиндр. Количество дорогих побрякушек бывает разным. Иногда капиталиста украшают бриллиантовыми серьгами, булавкой на галстук, запонками и перстнями с алмазами, порой даже на большом и указательном пальцах. Примерно в 1912–1913 гг. к его наряду добавились гетры; сияющие лакированные кожаные туфли стали уже к тому времени постоянной принадлежностью. Иногда добавляются большие сигары и длинная трость. У «Капиталиста» толстые шея и брюхо, на голове лысина. Руки иногда избыточны длинные, чтобы подчеркнуть присущие их владельцу привычки хватать и загребать. Этот «Капиталист» почти всегда улыбается или ухмыляется, в ущерб «Труженику» или «Общественности». В 1919–1921 гг., однако, негативным символом временно стал символ «Труда»: его вырядили в шелковые рубашки и наделили наглостью и гонором.

Когда элиты прибегают к пропаганде, возникает тактическая задача отобрать символы и каналы, способные вызвать желаемые согласованные акты. При этом непременно прибегают к повторению или к отвлечению внимания. Меняющиеся эмоциональные требования сообщества, настроения покорности или самоутверждения – все это усложняет задачу управления людьми в массах. После периодов дисциплины, принимаемой ради общего дела, массовая тенденция ведет к индивидуализму и разнообразию; после периодов самоутверждения – к дисциплинированному фундаментализму. Это значит, что когда чтутся нравы, подавляются контрнравы, а когда дают волю контрнравам, подавляются нравы. Заторможенное – это не вымершее; отсюда внезапные перемены направленности, отличающие изменчивые настроения людей.

Будучи успешной, пропаганда умело управляет:

- агрессивностью;
- чувством вины;
- слабостями;
- аффектацией.

Организация сообщества для ведения войны извлекает пользу из концентрированной агрессивности, накапливающейся во время любого кризиса. Когда другая нация преподносится как угроза,

сразу же будятся ответные порывы к тому, чтобы разбить ее; но такие порывы не могут найти прямого выражения. Они частично сдерживаются, частично подавляются, но вносят свою лепту в направленность и настрой ментальной жизни. Энергия фрустрированных импульсов может разряжаться множеством путей, но люди в своей массе склонны пользоваться самыми простыми. Один из простейших способов справиться с внутренним напряжением – проекция. Этот механизм разрешает внутренние эмоциональные трудности за счет трактовки импульса Я как атрибута среды. Вместо того чтобы признать простую интенсивность собственной мстительной деструктивности, человек чувствует, что внешний мир разрушительнее, чем он есть на самом деле. Это «нравственно возвышает» убийственный импульс, приписывая деструктивность другому. Символ «другого» прорабатывается и преобразуется в коварное, вероломное, злокозненное «влияние».

Глубоко сидящие чувства вины тоже могут проецироваться на внешний мир. Враждебные импульсы пробуждают чувства вины, потому что в годы младенчества, детства и отрочества общество учило индивида сдерживать свои гневные чувства. С исходной склонностью удерживать разрушительные тенденции под контролем за счет направления гнева на самого себя можно справиться, отведя обвинение от себя, спроецировав его вовне и направив гнев на «аморальность» врага.

Сильный внутренний гнев будит глубокие страхи смерти и увечий. (Отчасти это тревоги, относящиеся к «страху кастрации», если говорить в психоаналитических терминах.) Такой страх быть безнадежно ослабленным и пережить унижение и собственную неполноценность сейчас или в будущем тоже можно развеять путем проекции. Не мы, но наши враги стоят перед лицом поражения; наша победа несомненна.

По мере нарастания кризиса «нация» постоянно удерживается в фокусе внимания. Воспроизводящиеся заботы повседневной жизни модифицируются новостями и слухами о международных трениях. Все взгляды оказываются прикованными к судьбе национального «мы»-символа в соотнесении с окружающими «они»-символами. Любовь и уважение к символам чужаков отбрасываются и прикрепляются к символам коллективного «мы». Чувство нависшей угрозы повышает потребность в любви; и потому символ нации переопределяется как бесконечно покровительственный и снисходительный, могущественный и мудрый.

Когда военная пропаганда адресуется нейтралам, задача состоит в том, чтобы подтолкнуть влиятельные элементы в нейтральном государстве к идентификации нашего врага как своего врага, нашего дела – как своего дела. Этого можно достичь, предоставив наблюдателям деятельные возможности стать участниками. Так, дело Антанты в Соединенных Штатах выиграло от филантропических порывов к «усыновлению сироты» из разоренных районов «кровоточащей Бельгии». Британская пропаганда в Америке в 1914–1917 гг. была мудра тем, что весьма значительная ее часть осуществлялась тайно или в частном порядке. Она сделала ставку на личный контакт и везде, где только можно, опиралась на американский персонал и материал. Некоторые из германских агентов позволяли себе засветиться; как следствие, они были дискредитированы. В качестве напоминания о древней истории пропаганды отметим, что одна из трагедий Еврипида была, вероятно, пропагандистской драмой, написанной с намерением настроить Аргос против Спарты. Впервые трагедию поставили не в Афинах, а в Аргосе. Пелей, напомним, позволяет себе оскорбительные замечания о лакедемонских женщинах.

Когда перед пропагандой стоит задача работы с союзниками, главными темами становятся наши напряженные усилия в войне и наша сердечная поддержка заветных военных целей наших союзников.

Основная цель пропаганды во вражеских странах состоит в том, чтобы перевести враждебность на другого врага или перенаправить эти враждебные чувства внутрь, раздув тем самым пламя гражданской войны или революции. Связь между колеблющимися уровнями незащищенности и эффективностью пропаганды иллюстрируется историей германского морального духа в годы Мировой войны. После испытания на Марне и затяжной окопной войны кипучая самоуверенность и энтузиазм на фронте и в тылу утихли. Славный поход на Париж не случился. Простые солдаты рвались выбраться из окопов к Рождеству. Однако значимые пропорции волны недовольства обрели лишь тогда, когда население в тылу ощутило дефицит продуктов. В октябре 1915 г. глава пресс-отдела Министерства иностранных дел отмечал, что жалобы, поступающие из дома от жен, влияют на боевой дух на фронте. Летом 1916 г. в письмах домой стало отражаться влияние ужасных потерь, понесенных под Верденом. В отношении войны стало употребляться слово «Schwindel» [«афера»]. Битва на Сомме создала впечатление, что людские и материальные ресурсы союзников не-

исчерпаемы. Появился придирчивый, критический дух, и начала зримо нарастать пропасть между офицерами и солдатами. Лишения «брюквенной зимы» 1916–1917 гг. добавили депрессии дома. Летом 1917 г. много обсуждались цели войны, и крикливые требования крупных аннексий, раздававшиеся со стороны *Vaterlandspartei*, подорвали впечатление, что война ведется сугубо в целях защиты. Солдаты на фронте возмущались высокими зарплатами рабочих на фабриках по производству боеприпасов и высокими прибылями производителей этих боеприпасов.

После трех месяцев непрекращающихся боев во Фландрии ощутимо возросло число потерь пленными. Это красноречивое свидетельство падения боевого духа распространялось быстрыми темпами по мере того, как война двигалась к концу. Проблемы с дисциплиной доходили порой до самого края, когда войска стали перебрасывать с восточного театра военных действий на западное «кладбище». Отчасти вследствие таких свидетельств Верховное командование решило поставить все на великое наступление 1918 г. Но уже в июне в войсках наблюдалось явное разложение. К июлю трудности были чудовищными, что проявлялось в дезертирстве, преступлениях малодушия и открытом неповиновении приказам. Август стал месяцем всеобщей апатии, безнадёги и безразличия. В последние месяцы войны от 3/4 до 1 млн человек успешно уходили от активных боевых действий, а многие из тех, кто оставался на фронте, вовлекались в пассивное сопротивление. Готовых к бою солдат товарищи стали называть «штрейкбрехерами» или «продлевателями войны».

Людендорф впервые заметил эффекты вражеской пропаганды летом 1917 г. В течение 1918 г. опасность вражеской пропаганды выдавали фразы вражеского происхождения, проникавшие в письма домой с фронта и в разговоры, которые офицеры разведки подслушивали в войсковых эшелонах и сообщали высшему командованию. Такие слова, как «прусская военщина», «пангерманский», «кровожадный кайзер» и «юнкер», употреблялись в том смысле, который замыслили пропагандисты союзников. Солдаты освоили слово «Республика», так как французы обещали особый подход ко всем пленным и дезертирам, кричавшим это слово и сдававшимся. После того как некоторые социалистические лидеры оправились от охватившего их в 1914 г. отказа от интернационализма, в тылу ожила радикальная социалистическая пропаганда. В 1918 г. войска, перебрасываемые с восточного театра военных

действий на западный фронт, часто братались с солдатами большевиков и разносили революционную интерпретацию войны.

Пропаганда Антанты толковывала тезис о конечном поражении Германии и провоцировала скорее правительственную революцию, нежели социальную. В знаменитой «войне без оружия» достигло впечатляющих масштабов применение листовок. В общей сложности над германскими позициями было разбросано 65 595 000 листовок. Французы разбросали 43 000 000 листовок, британцы – 19 295 000, а американцы – 3 000 000. Германское высшее командование пыталось защититься, предлагая щедрые награды солдатам, которые будут сдавать эти листовки. 1/16 часть листовок, сброшенных Союзниками, действительно была передана немецкими солдатами своим офицерам. Немцы пытались также координировать особую пропаганду в тылу с мощным контрнаступлением на Союзников. Они распространили на западном фронте 2 253 000 экземпляров *Gazette des Ardennes*.

Целью революции, как и войны, является достижение преобладания в силе над врагом как средства навязать ему свою волю. Революционная пропаганда отбирает символы, рассчитанные на то, чтобы отделить чувства привязанности масс от существующих символов власти, присоединить эти чувства к символам, бросающим им вызов, и направить враждебные чувства на существующие символы власти. Эта задача бесконечно сложнее, чем психологическая задача военной пропаганды, поскольку в случае войны разрушительные энергии сообщества отводятся по привычным каналам. Большинство приложивших руку к революции непременно сталкиваются с кризисом совести. Установленная власть увековечивает себя, сформировав совести тех, кто рождается в сфере ее контроля. Поэтому великие революции идут наперекор тем эмоциям, которые нянечки, учителя, опекуны и родители уводили в «аккредитованные» каналы выражения. Революции – это проломы совести.

Психологическая функция революционной пропаганды, как и военной, состоит в том, чтобы контролировать агрессивность, чувство вины, слабости и привязанности. Так, марксизм потакает проекции агрессивности, осуждая «капитализм» как хищничество. Марксизм потакает проекции чувства вины, предъявляя капитализму обвинение в том, что он корень всех бед – войн, бедности, нищеты, болезней. Марксизм способствует проекции любви на «социализм» и «пролетариат». Марксизм поощряет проекцию слабости, утверждая, что капиталистическое общество обречено на гибель, поскольку несет в себе семена революции. Следовательно,

как говорил автор настоящей книги в другом контексте, «диалектический материализм – это вчитывание частных предпочтений во всеобщую историю, возвышение личных чаяний до статуса всеобщих потребностей, переупорядочение всего мироздания по образу и подобию своих желаний, восполнение своего искривленного Я за счет включения в него символа целого. Ни один альтернативный символизм не воспарял до таких высот компульсивной формулировки».

Во главе парциальных революционных движений становится элита, борющаяся за уничтожение тех, кто связан с мировым революционным движением последнего времени. Такие движения, как итальянский фашизм и немецкий национал-социализм, воинственно настроены против чужих и пронациональны. Как бы много они ни заимствовали в символах или практике из новейшего мирового революционного паттерна, они утаивают эту кражу, терпеть не могут этот источник.

Использование «неарийцев» как объединяющего дьявола, стоящего за всеми мелкими чертями марксизма, Версаля, Веймара, плана Дауэса, легко понять. Такой же тип массового движения в Италии не использовал еврея; в Германии же обстоятельства сложились так, что повысили доступность еврея в качестве мишени для демагогии. Анализ этих факторов проиллюстрирует функцию символов в связи с контекстом.

Евреев в Германии было не очень много: это были банкиры, торговцы и профессионалы, склонные относиться к травле евреев пренебрежительно. Пролетарского блока евреев для создания проеврейского встречного огня в рабочих массах не было. Короче говоря, евреев было достаточно, чтобы было удобно их ненавидеть, но не настолько много, чтобы они могли действительно отплатить тем же. Прочный фон традиционного антисемитизма можно было подретушировать и безнаказанно использовать.

Антисемитизм давал возможность выплеснуть ненависть к богатым и успешным, не вступая в союз с пролетарскими социалистами. Гноящейся раной был не «капитализм», а «еврейская спекуляция». Некоторые немецкие евреи были известными международными банкирами, что давало солидную почву общего знания для паутины преувеличений, выстраиваемых по поводу их влияния. Скромные бизнесмены и профессионалы и мелкие конторские служащие могли нападать на «систему», не «опуская» себя до уровня «пролетариата».

Даже ненависть среднего класса к пролетариату можно было расколоть с помощью еврейского символа. Так, рабочих, бывших в достаточной мере немцами, чтобы отвергнуть «еврейскую доктрину», можно было терпеть; тех же, которые оставались еврейскими, «красными» и «марксистскими», можно было уничтожить.

Прибегнув к еврею, можно было расколоть и аристократическую ненависть к последствиям современного индустриализма. В нежелательных чертах системы виделось влияние международных еврейских финансов, а не внутренне присущие ей свойства. Это делало возможным сотрудничество с капиталистическими элементами и перевод гнева, вызванного недавними экономическими изменениями, на нерелевантного козла отпущения.

В профессиональном мире антисемитизм был средством выведения из строя конкурентов, особенно в таких относительно скученных областях, как медицина, право, философия, наука и журналистика.

Антисемитизм был также важным инструментом разрядки ненависти сельчанина на горожанина. Тлеющие конфликты между сельскими, малыми городскими и крупными городскими сообществами встречаются постоянно в любой культуре. Крупные города – пристанище нового и, следовательно, шокирующего, ведь новое всегда несет угрозу старым кодексам морали, нравов и вкусов. Городские типы ярко выделяются среди врагов нравов, а евреи были городскими типами. Разве не Фрейд изобрел психоанализ, обесчестивший буржуазию? Разве не Магнус Хиршфельд пришел на выручку девиантным сексуальным типам? Разве не еврейские писатели, артисты и художники внесли вклад в подрывные причуды «культурного большевизма»?

Напряжения войны, блокады, инфляции и дефляции нанесли Германии огромные моральные потери. Множества бросились в пучину сексуальных и имущественных «соблазнов»; в силу этого они были склонны к «очищению», дабы скинуть с себя тяжкое бремя совести. Для них еврей был жертвенным Исааком. Действительно, весь XIX век свидетельствовал о росте светского культа национализма, заменившего гаснущее обращение к установленной религии. Это падение набожности, между тем, оставило за собой вину, и ее можно было искупить, напав на еврея, традиционного врага христианства.

Ясно, что еврей наличествовал как символ, более других пригодный к тому, чтобы стать мишенью для иррелевантных эмоциональных влечений. Ненависть деревни к городу, аристократии

к плутократии, среднего класса к рабочим, аристократии и плутократии могла быть перенесена на еврея. Фрустрации, обусловленные экономическими тяготами и международным унижением, чувства вины, рождаемые аморальностью и угасающим благочестием, – все эти стрессы присутствовали в жизни немцев и могли быть использованы в политическом действии.

Итак, пропаганда ведется с помощью символов, которые максимально используются элитой и контрэлитой; но сила коллективных эмоций и общая направленность и распределение коллективных актов остаются зависимыми от изменчивого целостного контекста.

Глава 3

НАСИЛИЕ

Насилие, главное для элиты средство нападения и защиты, принимает множество форм. Некоторое представление о месте насилия в политике дает число мужчин, включенных на постоянной основе в вооруженные силы мира.

В ранней Римской империи постоянная армия включала около 300 тыс. человек, что в составе населения означало три на каждую тысячу. Это была, несомненно, крупнейшая постоянная армия древнего мира. В XIII в. Европа, по имеющимся оценкам, держала на военной службе такую же долю своего населения, хотя и рассеянную по множеству крохотных княжеств. К началу XVII в. Европа сравнялась в численности населения с Римской империей и нарастила как число военных, так и их долю в населении. В наполеоновскую эпоху во Франции под ружьем было иногда до 10 человек на тысячу, и к концу XIX в. все учреждения мирного времени великих держав подтянулись к этому наполеоновскому пику. Во время Мировой войны на тысячу человек населения приходилось не менее ста военных. К 1934 г. регулярные армии Европы уже вдвое превосходили в относительном размере римские войска времен императора Августа.

Продолжительность войн, однако, упала, так же как и доля военных лет по отношению к мирным годам, если исключить из расчетов экспедиции против народов, низших в техническом отношении. В XVII в. крупные европейские государства находились

в состоянии войны около 75% времени. В XVIII в. этот показатель упал до 50%, в XIX в. – до 25%. Если учесть более мелкие акты враждебности, то крупные державы воевали почти постоянно. «Даже у Соединенных Штатов, подчас несколько необоснованно гордящихся своим миролюбием, – пишет Куинси Райт, – за всю 158-летнюю историю было всего 20 лет, когда их армия или флот не вели где-нибудь, хотя бы в течение нескольких дней, какие-нибудь военные действия».

Такие впечатляющие напоминания охватывают собой лишь часть актов коллективного насилия. В балансовый отчет о насилии следовало бы внести тех, кто погиб в ходе революций и контрреволюций, в ходе восстаний, в ходе осуществления уголовного правосудия. В список специалистов по насилию, наряду с членами военно-морских, сухопутных и военно-воздушных сил, входят надзиратели, охранники и полицейские. Можно отметить, что в некоторых сообществах, таких как Чикаго, число полицейских на частной службе, по имеющимся оценкам, превосходит число полицейских, состоящих на государственной службе. Заключение лишают свободы путем правового действия, санкционированного принуждающей властью сообщества, и тюремное население Соединенных Штатов росло быстрее населения в целом, подскочив с 67 тыс. в 1890 г. до 140 тыс. в 1930 г.

Если мы включим сюда еще и тех, кто практикует применение оружия и взрывчатых веществ и учится обращению с оружием, то функция насилия окажется еще шире, чем видно из приведенных выше показателей. А если сюда же присовокупить частоту, с которой прибегают к насилию в частных отношениях, не попадающих в поле зрения чиновников, то мы придем и вовсе к оглушительным цифрам.

Рациональное применение насилия как инструмента влияния зависит, разумеется, от ясной оценки акта насилия как детали целостного контекста. Оно редко бывает инструментом тотального разрушения. Это средство для достижения цели, а не самоцель. Но любовь к жестокости, будь то в форме прямого удовольствия или в косвенной форме гиперреактивной слабости, настолько сильна, что рациональное использование насилия сталкивается с серьезными трудностями. Предостерегая против радостей бессмысленной деструктивности, классики, истолковывавшие насилие, подчеркивали его инструментальные функции и связанные с ним специфические опасности.

Классический китайский военный трактат «Искусство войны», который датируют V в. до н.э., предупреждает о пределах насилия:

«Поэтому сказано, что когда государства воюют в Поднебесной, тот, кто одержит пять побед, столкнется с несчастьем; кто одержит четыре победы, истощит свои силы; кто одержит три победы, станет гегемоном; кто одержит две победы – станет правителем; кто одержит одну победу – станет императором. Поэтому тех, кто благодаря многочисленным победам покорил мир, очень мало; тех же, кто погиб при этом – много»¹.

Для современных специалистов политическое видение войны было сформулировано Клаузевицем. Он выдвинул знаменитую теорию, что «война есть просто продолжение политики другими средствами». У Клаузевица был опыт прусского штабного офицера, и его поразили тот факт, что враждебные отношения никогда не были вопросом чисто военных усилий, нацеленных на доведение до крайности всего, что только возможно. Наличная энергия была обусловлена всякого рода целесообразными расчетами, особенно остротой коллективной заинтересованности в соответствующем предприятии. Поэтому война редко, если вообще когда-нибудь, была «абсолютной войной»; она была деталью в изменчивом контексте лояльностей, надежд и ожиданий.

Зависимость военных целей от общих политических обстоятельств была продемонстрирована в американской войне за отделение. Политическая цель федеральных штатов состояла в том, чтобы не дать конфедеративным штатам выйти из Союза. Политической целью Юга была независимость. За Севером было значительное превосходство в численности и ресурсах, и Юг никогда даже не помышлял о завоевании Севера. Общей стратегией было затягивание сопротивления в двоякой надежде на то, что Север убедится, что усилия по принуждению Юга к оставлению в Союзе не стоят свеч, и что на помощь Югу придет иностранная интервенция.

Генерал Роберт Э. Ли, перенося войну на Север, пытался достичь обеих этих политических целей, и с 1862 до лета 1863 г. его стратегия была наступательной. Потерпев в июле 1863 г. поражение под Геттисбергом, он больше не обладал средствами для

¹ Цитата из трактата «У-цзы» приводится по изданию: У-цзин. Семь военных канонических древнего Китая / пер. с англ. Котенко Р.В.; предисловие и комментарии: Ralf D. Sawyer. – Санкт-Петербург : Издательская группа «Евразия», 2001. – С. 258. – *Прим. пер.*

продолжения наступательной политики, и стало ясно, что иностранной помощи не предвидится. Его стратегия стала теперь оборонительной, и целью было истощить силы и терпение Севера. А Север, как и британцы в войне с бурами в Южной Африке, мог достичь своей цели, лишь нанеся поражение войскам противника и заняв как можно больше вражеской территории.

Многие из принципов войны, обобщаемых в литературе по стратегии, выводят на передний план связь между актом насилия и его контекстом. «Принцип надежности» подчеркивает важность обеспечения того, чтобы установки тех, от кого зависит военная операция, бережно сохранялись на протяжении всего предприятия.

Генерал-майор сэр Ф. Морис показывает, как начало кампании 1862 г. в американской гражданской войне провалилось отчасти из-за пренебрежения этим принципом надежности. У Макклеллана, командовавшего силами федералов, было на границах Вирджинии 180 тыс. человек. У конфедератов для защиты Вирджинии и своей столицы, Ричмонда, была 71 тыс. человек. Годом раньше федеральные силы провалили свое наступление на Ричмонд, потерпев поражение в сражении при Булл-Ран. Немногочисленные дороги в весенние месяцы были в плохом состоянии. Макклеллан придумал план – воспользоваться контролем над морем и тайно перебросить большую часть своей армии на Йорктаунский полуостров, где она оказалась бы в 60 милях от Ричмонда. Президент Линкольн одобрил этот план при условии, что будет должным образом обеспечена безопасность Вашингтона, отделенного от Вирджинии только шириной реки Потомак.

Генерал Макклеллан отправил свои войска на полуостров, не посвятив в это президента и не объяснив мер, принятых для защиты Вашингтона. Не удостоверился он и в том, достаточно ли генералу Уодсворту, назначенному командовать обороной Вашингтона, сил, находившихся в его распоряжении. Он просто оправил в военное ведомство список оставленных войск.

Президент Линкольн приказал военному комитету выяснить, были ли выполнены его указания по обеспечению безопасности столицы. Генерал Уодсворт сообщил, что войск, которыми он располагает, в численном и качественном отношении недостаточно, и президент приказал I корпусу армии Макклеллана под командованием генерала Макдауэлла остаться в северной Вирджинии для прикрытия Вашингтона. Намерения Макклеллана вызвали у президента подозрения, и скоро отсутствие доверия уступило место тревоге, когда 25 марта генерал «Каменная Стена» Джексон со

своими 16 тыс. бойцов разбил Бэнкса в долине Шенандоа. Паника в Вашингтоне привела к отъезду еще части войск у Макклеллана и к абсолютно бессмысленной погоне за Джексоном.

Макклеллан и его друзья считали, что президент виновен в недоверии и в излишней нерешительности. Президент же чувствовал всю тяжесть своей ответственности за защиту цитадели национального правительства и имел веские основания сомневаться в надежности скрытного и, по видимости, не вполне понятного генерала. Макклеллан не видел и не учитывал операцию во всей полноте; он пренебрег укреплением некоторых установок взаимного доверия, незаменимых для осуществления плана.

Эффективное использование насилия предполагает превосходство в разрушительной силе в жизненно важных местах на протяжении всей операции. Многие из принципов ведения войны напоминают генералам и правителям о важности принятия во внимание всего хода предприятия и отбора точек применения этого особого средства с учетом всех значимых обстоятельств. Отсюда акцент на «экономии», «кооперации», «наступлении», «движении», «неожиданности» и «сосредоточенности» как средствах достижения общей цели. Отсюда же важность отслеживания вероятности того, что внешнее вмешательство принесет поражение или уничтожит плоды победы. Задним числом ясно, что германское верховное командование не учло весь спектр возможностей Соединенных Штатов в связи с европейской войной. Великобритания, со своей стороны, приняла контрабандные правила и практики, призванные смягчить американский гнев.

В поисках превосходства мечтой каждого сметливого стратега является развертывание наступления столь внезапного и сокрушительного, что враг оказался бы неспособен к действенному сопротивлению. Это удачно названо мечтой о Каннах. Исходная битва при Каннах произошла в 216 г. до н.э. в Апулии между римлянами и карфагенянами. Небольшая армия Ганнибала вдребезги разбила 85 тыс. римских легионеров, обойдя противника с флангов силами кавалерии и окружив его. Не грубое потенциальное превосходство, а специфический, актуальный перевес – вот цель эффективной стратегии. Знаменитый план Шлиффена, который, несмотря на его выхолащивание, едва не привел Германию в 1914 г. к победе, основывался на этой концепции. Шлиффен перебросил две трети всей германской армии (53 дивизии из 72) на один участок фронта, на правый фланг, где эти силы должны были пройти маршем по Бельгии и северной Франции и двинуться далее на Париж. Он пы-

тался усилить боевую мощь правого фланга новейшими инструментами войны, тяжелыми гаубицами и пулеметами, которые армия тайком копила, чтобы достичь того же эффекта, что и Ганнибал с помощью кавалерии. После разгрома главного врага, Франции, предполагалось бросить силы на восток – на Россию. Однако отсутствия двух корпусов, перекинутых фон Мольтке с правого фланга, когда тот триумфально продвигался по Бельгии и северной Франции, оказалось достаточно, чтобы блокировать достижение победы. Эти два корпуса отправили на восточный фронт с целью ослабить давление на Восточную Пруссию, родину влиятельных юнкеров.

Сегодня воображение амбициозных специалистов по насилию распалют новые средства ведения войны: аэропланы и газ. Разве нельзя направить против сильнейшего врага превосходящие количества самолетов и газа, втайне накопленные заранее, склонив его в считанные дни, а то и часы, к подчинению и дав победителю возможность переключиться на более слабых противников или, возможно, подавить восстание дома? Как правило, соблазн технологического превосходства мостил дорогу разочарованию. Он вел к погружению в механические детали и пренебрежению более тонкими психологическими и социальными аспектами целостной ситуации.

Успех насилия зависит от координации других существенных сторон тотального акта, таких как организация, пропаганда, информация. Поскольку требование сецессии обычно появляется в частях государства, населенных элементами, дифференцированными от государства в целом, то часто бывает практически отложить крупномасштабное насилие до тех пор, пока не будет успешно организовано правительство внутри правительства.

Таким правительством внутри правительства была и остается, например, Внутренняя македонская революционная организация (ВМРО), созданная в 1893 г. группой молодых македонских школьных учителей. Она стремилась к тому, чтобы с помощью массовой агитации вынудить Турцию признать Македонскую автономию в соответствии с гарантиями, данными в ст. XXIII Берлинского трактата. Она была открытой для всех македонцев, будь то сербы, греки, румыны, турки, евреи или болгары. В 1903 г. ВМРО спровоцировала восстание, которое, хотя и было подавлено турками, вызвало европейское вмешательство. Только в 1906 г. общим собранием ВМРО была ратифицирована конституция. Основными лозунгами были «Македония для македонцев» и «Эво-

люция, не революция». Путем всеобщего голосования избирались местные комитеты; каждый комитет направлял делегатов в районный комитет; далее над этим уровнем возвышался окружной комитет, соответствующий вилайету. Окружной комитет направлял 47 делегатов на регулярный общий конгресс, выбиравший центральный комитет в составе трех человек. Еще один орган, назначенный центральным комитетом, представлял эту организацию в закупках оружия и боеприпасов у внешних продавцов. Ни одному человеку никогда не давалась власть. Благодаря крушению турецкой администрации ВМРО захватывала суды, подавляла бандитизм и содержала школы. Боевые группы исполняли постановления судов, а тайная сельская милиция пребывала в готовности на случай чрезвычайных ситуаций.

Случай ВМРО исключительный. Обычно организация экономики и дипломатии бывает гораздо менее завершенной, особенно в революционных движениях. Редко возможно заранее, до применения насилия, выстроить в полки тех, кто отзывчив к искомой цели. Следовательно, успех насилия, как правило, сравнительно больше зависит от правильной координации с пропагандой. Успех насилия в революции зависит от соединения *coup d'état* с кризисом массового недовольства. *Coup d'état* может осуществить небольшое число боевых групп, хорошо информированных, вооруженных и обученных; что же касается шансов на обеспечение лояльного конспиративного личного состава и на осуществление акции с массовой поддержкой, то они зависят от предшествующей кризису долгой пропагандистской подготовки.

Эта пропагандистская подготовка должна быть в особенности нацелена на то, чтобы перетянуть на свою сторону или деморализовать значительную часть солдат и полиции. По природе своей революционные силы неизбежно плохо вооружены. Так, у 2 тыс. боевиков, вовлеченных в одно из кантонских восстаний, было всего 200 бомб и 27 револьверов. В Шанхае из 6 тыс. человек оружие было только у 150. В пролетарских сотнях в Германии в 1923 г. состояло четверть миллиона человек, но вооружены среди них были лишь несколько сотен. Поскольку в начале восстания требуется захватить оружие, проникновение в вооруженные силы установленного порядка становится критически важным. В 1917 г. правильная пропагандистская подготовка в Петрограде обеспечила наличие пробольшевистски настроенного гарнизона.

Поскольку рядовой состав любого революционного подъема образуют сравнительно неопытные бойцы, находящиеся в сильном

эмоциональном напряжении, то восстание должно быть спланировано так, чтобы сразу принести очевидные успехи. В Гамбургском восстании 1923 г. тщательное планирование позволило штурмовым бойцам одержать верх на нескольких полицейских участках и запастись оружием. А чуть позже рабочие весьма предусмотрительно соорудили рвы и баррикады, чтобы отгородиться от внушавших ужас броневиков.

Кооперация масс требует тщательного подбора времени для восстания с учетом психологического момента. В Ревеле лидеры не разжигали массовых протестов, даже когда был застрелен Тромп, глава профсоюзов (за три дня до начала восстания). В результате этого массы не понимали, что происходит, и пребывали в колебаниях, вместо того чтобы бастовать. Успех большевистского переворота в Петрограде был отчасти гарантирован выстраиванием атмосферы общего ожидания. Плакаты и листовки постоянно спрашивали о том, как массы будут брать власть. Само время финального восстания было подобрано так, чтобы совпасть со II Всероссийским съездом Советов в Петрограде, который мог оперативно взять на себя функции временного правительства. Не нужно было даже затевать всеобщую стачку.

Акт насилия становится «пропагандой делом», когда от него ожидают воздействия на установки, очевидно несоразмерного непосредственным объективным последствиям акта. Пример – политическое убийство. Ужас, с которым официальные властные лица смотрят на убийство самих себя, свел до минимума беспристрастный анализ этого метода получения результатов. Политическое убийство редко трактуют с той отстраненностью, которую мы находим в знаменитом письме, полученном лордом Кимберли, вице-королем Дублина. Оно начиналось со следующих слов:

«Ваша Светлость, завтра мы намерены убить Вас на углу Килдэр-стрит; но нам хотелось бы, чтобы Вы знали: в этом нет ничего личного».

Подходящей мишенью для «пропаганды делом» является какая-нибудь личность, потеря которой напугала бы врага и ослабила единство воли у тех, кто выступает за установленный порядок. Либо какому-то деспотичному чиновнику могут дать временный шанс на жизнь, чтобы он мог послужить делу сецессии или революции, продолжая провоцировать недовольство установленным порядком. Иногда акт политического убийства замышляется для того, чтобы показать возможность сопротивления, разрушить легенды о неуязвимости и вызвать массовые беспорядки.